

ЛЕВ
ОВАЛОВ

**МАЙОР ПРОНИН
И ТАЙНЫ ЧЁРНОЙ МАГИИ**

**ТАЙНЫЙ
ФРОНТ**

Майор Пронин

Лев Овалов

**Майор Пронин и
тайны чёрной магии**

«Алисторус»

2022

УДК 323
ББК 63.3

Овалов Л. С.

Майор Пронин и тайны чёрной магии / Л. С. Овалов —
«Алисторус», 2022 — (Майор Пронин)

ISBN 978-5-00180-701-8

Как известно, в XX веке было три великих сыщика — Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро и майор Пронин. Последнего так же можно рассматривать как аналог агента 007 — Джеймса Бонда. При этом романы о Бонде начали издаваться в 1950-х годах, а произведения о Пронине — в конце 1930-х. Главный герой советской шпионской литературы, гроза всех иностранных резидентов Иван Пронин, расследует самое таинственное и мистическое преступление советской эпохи. Это настоящий детектив по-советски — страшноватый, остроумный и стильный. Этот роман был найден в архиве писателя совсем недавно, публиковался ограниченными тиражами и стал библиографической редкостью.

УДК 323

ББК 63.3

ISBN 978-5-00180-701-8

© Овалов Л. С., 2022

© Алисторус, 2022

Содержание

Майор Пронин в XXI веке	6
Начало последней главы	11
Смерть тракториста Савельева	23
Обвинение Прибыткова	32
Враг народа	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лев Сергеевич Овалов

Майор Пронин и тайны чёрной магии

* * *

© Овалов Л. С., 2022

© Леон А., илл., 2022

© Замостьянов А. А., авт. – сост., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

Майор Пронин в XXI веке

Это настоящая сенсация. Новая книга Льва Овалова про майора Пронина выходит через четверть века после смерти автора. Звучит как мистификация. Но это правда чистой воды.

Разведчик, как бы глубоко он ни внедрился, всегда мечтает вернуться на Родину. Иногда они возвращаются – даже когда мы уже потеряли всякую надежду на встречу. А затерянные, неизвестные, законспирированные книги возвращаются еще реже. Тем ценнее такие возвращения. Больше семидесяти лет назад писатель Лев Овалов отложил в сторону свою рукопись под названием «Тайны чёрной магии» и занялся другими сюжетами. В те годы появились «Букет алых роз» и «Медная пуговица», ещё через несколько лет – «Секретное оружие». Никто и не задумывался про неопубликованную повесть о майоре Пронине... Про неё основательно забыли. Даже сам автор практически не вспоминал ее – по крайней мере, в беседах и интервью. За исключением одного, которое было записано незадолго до смерти Льва Сергеевича. Он любил оставлять тайну оставались тайной. Читателям нашего времени повезло: классические приключения майора Пронина получили продолжение на наших глазах. Дух захватывает! Для нескольких поколений любителей советского детектива этой книги не существовало, и вдруг она возникла. И это не сиквел, а самый настоящий Лев Овалов. Тёплый и ламповый.

Книга вернулась случайно. Во многом благодаря исследовательской энергии краеведа Александра Полынкина и хранителей замечательного орловского государственного литературного музея имени И.С. Тургенева.

В Орле Льва Овалова не забывают. В 1918–1923 годах он вместе с матерью жил в селе Успенском Малоархангельского уезда (ныне – Покровского района). Создал первую на Орловщине сельскую комсомольскую организацию, а потом стал самым молодым в губернии членом большевистской партии. Александр Полынкин заметил и такой факт: «В рассказе „Куры Дуси Царевой“ сыщик расследует запутанное дело в птицесовхозе, который находится в одной из областей Центральной России. Мы, читатели, вполне можем предположить, что имеется в виду как раз Орловская область, в которой прожил писатель несколько лет в годы юности. Сам же Лев Сергеевич Овалов, кстати, в Орле бывал неоднократно».

Вдова писателя – Валентина Александровна Шаповалова – много лет назад передала музею архив Льва Сергеевича. Сравнительно небольшой. Как правило, он уничтожал черновики. Но повесть «Тайны чёрной магии» была почти подготовлена для печати. И несколько лет назад ее нашли и начали возвращать к жизни. Полынкин давно исследует судьбу писателя и, узнав о сенсационной рукописи, он сделал всё, чтобы вернуть её к жизни. Так неожиданно каноническая пронианиана пополнилась еще одной книгой. Самое удивительное, что это не мистификация!

Пронин, майор Пронин, Иван Николаевич Пронин, литературный герой, ставший именем нарицательным, советским определением чекиста и сыщика, разведчика и контрразведчика, словом, рыцаря плаща и «Токарева». Последнее произведение о великом чекисте он опубликовал в 1962-м году. Писатель Лев Сергеевич Овалов умер 30 апреля 1997-го. С тех пор не раз предпринимались попытки собрать «всего Пронина». Сформировался корпус произведений: «Рассказы майора Пронина» (три рассказа), «Рассказы о майоре Пронине» (три рассказа), повести «Голубой ангел», «Медная пуговица», «Букет алых роз», «Секретное оружие». Причем, повесть «Букет алых роз» вошла в канон в известном смысле условно: Пронин там не назван по фамилии, но в повадках седовласого генерала контрразведки мы узнаём старого знакомого.

Но, оказывается, еще есть и «Тайны чёрной магии»! Это, пожалуй, самая автобиографичная из оваловских книг о Пронине. Во-первых, сам Лев Овалов действует в «Тайнах черной магии» достаточно активно. Мы помним, что он вышел на сцену еще в «Голубом ангеле»,

там эпизоды с участием автора тоже обрамляют сюжет, но здесь это обрамление вышло основательным и подробным. Во-вторых, книга, написанная вскоре после XX съезда, после реабилитации Льва Овалова, который отсидел своё, полна рассуждений о сталинских и бериевских «перегибах». Овалов больше никогда столь явно не изливал своих обид на тех, кто по ложному доносу отправил его в «места не столь отдаленные». После XX съезда непросто было объяснить людям, почему Сталин, который десятилетиями считался безукоризненным «отцом народов», допускал стратегические ошибки... При этом нельзя было поколебать веру в социалистическую Родину, надо было как-то сохранить основы советского патриотизма... Овалов сделал ставку на усиление партийности. Вера в партию помогала ему преодолеть разочарование в системе.

Автобиографические нити там проглядывают в каждой главе. Овалов последние годы ссылки провёл в Краснодарском крае, в станице Гиагинской – а в «Тайнах...» он поселил своего Пронина в станице Улыбинской.

Есть в книге и скрытый автобиографический пласт – намеки и подводные течения личного характера. Но самая сильная эмоция – политическая. После XX съезда коммунист Овалов – да и не он один! – воодушевился. Веры в коммунизм он не утратил, это – выбор юности, основа основ. Восстановлению в партии он радовался не меньше, чем освобождению из ссылки. И в новой книге предстал истинно партийным писателем. Возможно, даже чрезмерно партийным. Вот так он разъясняет природу сталинских перегибов: «Те качества, которые Пронин выработал в себе за долгие годы работы в советской разведке, вдруг обратились против него самого. Воспитанный в традициях Дзержинского, Иван Николаевич Пронин всегда и неизменно считал себя лишь верным солдатом партии, готовым выполнить любое её поручение. Но наступили такие годы, когда органы государственной безопасности стали действовать вопреки указаниям, а затем и прямо во вред партии. Принципиальность и честность перестали быть мерилами поведения работников органов государственной безопасности, политический авантюризм, низкопоклонство и личные интересы стали управлять поступками работников советской разведки. Вместо того, чтобы оберегать советских людей от лжи и клеветы, в органах государственной безопасности начали фабриковаться искусственные заговоры и выдуманные преступления, авантюристы, пробравшиеся в эти органы, поставили своей целью уничтожить как можно больше честных советских людей. Для такой деятельности Пронин не годился. Выслуживаться он не хотел, кланяться не умел, при таких руководителях, как Берия, Пронин в органах государственной безопасности пришёлся не ко двору». Даже для 1957-го это звучит резковато. Дерзко. Но шпионский роман и не может быть пресным – в том числе политически. В рассуждениях Овалова есть и мотивы личной обиды, личной печали. Для него важна «милость к падшим». К таким, как инженер Прибытков, которого когда-то без вины обвиновали. Трудно живется Прибыткову – наверное, как и самому Овалову в ссылке. Писатель несколько раз возвращается к свербящей мысли: как вредна безоглядная подозрительность, жестокость... Нельзя рубить с плеча, это не по – коммунистически! Коммунист должен бороться за каждого человека. Таким коммунистом и оказался майор Пронин.

После ссылки Овалову удалось переиздать ставшие легендарными первые книги Пронианы – рассказы и «Голубого ангела». Между прочим, он написал предисловие к «Голубому ангелу», в котором очень осторожно намекнул на вынужденную долгую разлуку с читателями. И элегически набросал историю своей дружбы с майором Прониным:

«Но вот справедливая война советского народа за свободу и независимость своей Родины окончилась победой, страна перешла к мирному строительству, и люди вновь начали находить друг друга. Спустя большой, я бы сказал, очень большой, промежуток времени жизнь снова столкнула меня с Иваном Николаевичем Прониным. Что делает и где работает Пронин сейчас – это уже статья совсем особого порядка, и рассказывать об этом надо

тоже совсем особо, но наша встреча оживила стершиеся было в моей памяти воспоминания, ожили полузабытые рассказы, и майор Пронин, сдержанный и суховатый Иван Николаевич Пронин предстал передо мной в новом и еще более привлекательном свете».

Здесь можно увидеть прозрачный намёк на «Тайны чёрной магии», хотя главное осталось за кадром. Овалов мастерски создавал миф о великом сыщике, который живет рядом с нами – незримо. И все время оговаривался: об этом мы расскажем в другой раз, а пока еще не пришло время...

В «Тайнах чёрной магии» он показал себя искушенным мастером. Чего стоит одно название – броское, вызывающее, годное для бестселлера. Он не потерял куража и в разметке сюжетных поворотов. Так, повесть не без изящества начинается с «последней главы». Есть там, в соответствии с заглавием, и тайны, и чудесные превращения. Есть и щекотливая тема – колдовство, в которое по невежеству верят наши советские люди. Колдовство – это всегда захватывает и страшит. И всё увязано с международным шпионажем, ведь майор Пронин, даже, если он уже не майор, пустяками не занимается.

На склоне лет Лев Овалов не сомневался, что создал гениального сыщика. Незадолго до смерти он начал предисловие к прониному циклу такими словами: «Перед войной в мире было три великих сыщика: отец Браун, Шерлок Холмс и майор Пронин». Не больше и не меньше. А вот ценил ли он Пронина в пятидесятые годы? Пожалуй, Овалов не относил свой детективный цикл к собственному золотому писательскому фонду. Писал их то ради эксперимента, то ради успеха и гонорара. Свои производственные и исторические романы считал куда более «высокой литературой». Похожие мысли терзали Конан Дойля. Лев Сергеевич рассуждал: «Я мог бы эти прониные рассказы щёлкать, как орешки – по пять-десять в год. Но не считал это нужным».

И всё-таки после лагеря и ссылки он восстанавливал свои позиции в литературе с помощью майора Пронина. Вероятно, Овалов и в ссылке потешал собеседников и пациентов захватывающими рассказами про шпионов – и в 1956–58-м на нехватку детективных сюжетов ему жаловаться не приходилось. В своем последнем интервью Лев Сергеевич рассказывал: «В начале 50-х приехал в Москву. Жить в крупных городах я не имел права, поэтому нелегально остановился у мамы. И пришёл в „Воениздат“. Редактор просто выхватил у меня рукопись... А ещё через месяц „Рассказы майора Пронина“ переиздали. Книжка стала очень популярной. И я решил написать продолжение. Катаев, главный редактор „Юности“, заказал мне целую повесть о Пронине... Называлась „Тайны чёрной магии“. А сюжет такой: в одной из деревень живёт знахарь и по ночам разбрасывает по полям какие-то семена. Потом выясняется, что это вовсе не семена, а амброзия. А знахарь так ненавидит советскую власть, что специально заражает колхозные поля страшными болезнями... Кстати, с этим знахарем я был знаком, когда после освобождения работал врачом в одной районной больнице. Правда, то, что он всячески вредил нашей советской власти, я придумал... Всем, кроме Катаева, в редакции повесть понравилась. Он же решил, что я слишком идеализирую чекистов. Так с тех пор она и лежит у меня в столе... Катаев сказал: „Недавно из Союза выслали иностранных шпионов. Напишите об этом – и я тут же напечатаю, даже не читая“. Выхожу из редакции, и вдруг на окне какого-то дома – букет алых роз. Меня как током ударило: вот об этом я и напишу! Повесть получила название „Букет алых роз“».

Катаев, конечно, знал толк в массовой литературе. Как-никак, в юности (которая не журнал) он зачитывался Ником Картером, Путилиным и Пинкертоном... Пронин стал советским Путилиным, советским Холмсом. Кстати, обоих он упоминает в этом романе. Возможно, Катаев закрыл дорогу «Чёрной магии» из тактических соображений: например, посчитал, что не время столь размашисто бить по сектантам... А, может быть, Катаева смутили стилистические несовершенства повести... Она в этом смысле и впрямь проигрывает и «Голубому

ангелу», и «Медной пуговице». Её явно нужно было еще чуть-чуть доработать – и автору, и редакторам. Но это обычное дело. И не такие тексты удавалось приводить в божеский вид! Думаю, что и Овалов не считал сложившийся вариант окончательным и, возможно, даже не показывал его редакторам «Юности», а получил отказ по отрывкам, при обсуждении замысла.

Но, в конце концов, на Катаеве и его «Юности» свет клином не сошелся. В СССР хватало издательств, которым можно было предложить книгу о доблестных чекистах. Почему же писателю не удалось «по горячим следам» опубликовать «Тайны черной магии»? Почему Лев Сергеевич в позднейшие времена не предпринимал попыток все-таки напечатать эту повесть? Это – одна из тайн майора Пронина. Возможно, редакторам не понравилось, что чекист Пронин, признанный ас разведки и контрразведки, в этой повести поменял профессию, перевоплотился в партийного секретаря. Партийные хлопоты – дело почтенное, но было бы лучше, если бы Пронин все-таки сохранил связи с Лубянкой... В «Букете алых роз» и «Секретном оружии» мы увидели его в генеральских погонах, в кабинете на площади Дзержинского. Там ему и место. Возможно, излишними показались страстные антибериевские эскапады. То, что позволено Хрущеву – не всегда позволено в приключенческой литературе.

В те же годы Овалов написал еще несколько книг с участием Пронина и одну – с участием молодого чекиста Евдокимова, «Букет алых роз». Эту повесть Катаев принял на ура, она вышла в журнале «Юность», а вскоре – и отдельным изданием, с запоминающимися иллюстрациями.

Но наконец – то пришло время затронуть «Тайны черной магии». Тайное становится явным. Такая книга не должна оставаться непрочитанной. Да, сменилась эпоха – и ее политические установки превратились в «ретро». В конце 1950-х читатели (речь идет о массовой аудитории!) воспринимали бы её как своего рода откровение о сталинских временах. Сегодня повесть стала историческим документом. Но ее детективная канва не распалась, а обаяние героев не стерлось. Такого Пронина мы еще не видели. Он откровенно и не без скепсиса рассуждает о политике и политической разведке. Попивает вино-водку и заботится о молодых влюбленных... Сам он, как и полагается разведчику, по – прежнему стойкий холостяк. Мы раскрываем последнюю тайну майора Пронина. Невозможное возможно и по-будничному очевидно. А потуги чёрных магов будут пресечены. Не место им на советской земле.

Чудеса в решетке, всяческое колдовство близко стоит к сектантству. Овалова всегда интересовали механизмы мракобесия, тайные пружины экзальтированного фанатизма. Он понимал, что мистика – даже «с последующим разоблачением» – всегда интересна читателям. Его известная повесть «Помни обо мне» во многом продолжает линию «Тайн чёрной магии» – только без шпионажа. Это не совсем детектив, хотя, по существу, история преступления, в которой есть и злоумышленники, и жертва. А главное, в этой повести речь тоже идёт о тайной войне, о подводных течениях советской жизни. Сектанты чем-то похожи на знахаря из «Тайн чёрной магии»... «Помни обо мне» Овалов считал своей удачей. Ведь она и остросюжетная, и лирическая, и поучительная. К тому же сложена не без изящества. Любила эту повесть и жена писателя Валентина Александровна. И неспроста. Эту книгу они выносили всей семьей. Дело было в 1966-м году. Овалов следил за судебным процессом, на котором раскрылись деяния «скрытников» – опасной подпольной секты. Его волновала судьба девушки, которая четыре года провела в плену у сектантов. Оказалось, что у девушки Риты даже нет документов! Овалов взялся ей помочь. Писательский статус в СССР кое-что значил, к письмам и заявлениям Овалова прислушивались. Пока «инстанции» решали судьбу девушки – она жила в оваловской квартире на Ломоносовском проспекте. Почти месяц провела в московском писательском доме. А потом она вернулась на родину, адаптировалась к «большой жизни» и продолжала переписываться с Оваловыми. Писатель считал такой поворот своей победой. Артур Конан Дойл, подобно своему герою, распутал несколько головоломных дел, в которых показал себя вьедливым следователем. И Лев Овалов не только в воображении вмешивался в судьбы своих

героев. Настоящий демиург! Но создатель самого главного советского мифа о чекисте и не мог быть иным.

Оваловский цикл о Пронине – шедевр советского лёгкого жанра. С увлекательных пронинских рассказов начинался этот своеобразный жанр – военные приключения на стыке шпионских историй и классического детектива.

Трудно не любить майора Пронина. Наш советский Холмс добродушен и проникателен. Он – настоящий советский человек, ровесник века, верой и правдой служивший своей стране. А слово «чекист» для него всегда было синонимом понятия «честь».

И это – одна из причин, чтобы читать и перечитывать книжки про майора Пронина. Особенно – с пылу, с жару.

*Арсений Замостьянов,
заместитель главного редактора журнала «Историк»*

Начало последней главы

– Это было одно из самых загадочных и сложных преступлений, с какими я когда-либо сталкивался в своей жизни, – сказал мне Иван Николаевич Пронин. Лёгкая и вместе с тем грустная улыбка чуть шевельнула его губы, насмешливая искорка на мгновение осветила его спокойные голубые и, увы, большей частью холодные глаза, и дымка усталости опять заволокла его грубоватое лицо, обветренное всеми ветрами нашей нелёгкой и беспокойной жизни. – Трудно, очень трудно было докопаться до его сути, но, как говорится, терпенье и труд всё перетрут.

Он замолчал, задумчиво отщипнул виноградину от грозди, свисавшей над его головой, положил в рот, медленно её пожевал и ничуть не поморщился, хотя ягоды были ещё очень кислы и даже соседские мальчишки не начинали ещё совершать за этим виноградом своих набегов.

Потом Иван Николаевич сел на скамейку у стола и задумчиво похлопал по столу ладонями, и, хотя взор его был обращён ко мне, мне показалось, что он не видел меня, взгляд его был точно устремлен куда-то внутрь самого себя, он точно рассматривал там что-то, на какое-то время я был предоставлен самому себе, и, хотя мы находились вдвоём, на несколько мгновений я очутился в одиночестве.

Ох, до чего же он постарел, Иван Николаевич Пронин, с тех пор, как мы с ним расстались...

Постарел и даже обрюзг, лицо его было бледно и одутловато, и эти бледность и одутловатость говорили о том, что с сердцем у него не всё в порядке, прожитые годы дали о себе знать, – да, Пронин был уже не тот, каким я знал его пятнадцать лет назад.

Майор Пронин и его автор. Разговор. Рисунок Анны Леон

Вдвоём с Иваном Николаевичем мы находились сейчас в его доме в станции Улыбинской, – правильнее сказать, в доме, в котором квартировал Пронин, собственных хором у него не было, дом принадлежал отделу коммунального хозяйства.

Домик был невелик, состоял всего из трёх комнат, но построен был прочно, надолго, комнаты в нём были чистенькие, уютные, светлые, не загромождённые лишней мебелью, как

это всегда бывало в жилищах, где приходилось обитать Пронину. В одной из этих комнат я жил уже около месяца, а в данную минуту мы с Иваном Николаевичем находились на террасе этого дома. Терраса не терраса, веранда не веранда, балкон не балкон, – бог ведает, как правильное было назвать место, где мы сейчас находились, – при многих домах на Кубани имеются такие сооружения, которые очень украшают простые глинобитные жилища.

Прямо к самому выходу из дома было пристроено нечто вроде навеса из тонких жердей, площадку над навесом огораживал невысокий дощатый барьерчик, от навеса вниз была натянута толстая проволока, и жерди, заменявшие потолок, и проволока до самой земли были густо увиты шпалерами местного вьющегося винограда, поспевающие гроздья которого свешивались над нашими головами.

Только в доме у Пронина эта виноградная беседка была просторнее, чем обычно, под зелёным навесом стоял квадратный обеденный стол, да над столом свисала на шнуре электрическая лампочка, провод которой терялся среди широких тёмно-зелёных листьев.

Да, я гостил у Пронина около месяца и собирался уже домой и именно на сегодня был назначен прощальный ужин.

– Мы проводим тебя по хорошему кавказскому обычаю за бутылкой доброго вина, – сказал мне Пронин утром. – И на прощанье я познакомлю тебя с несколькими хорошими людьми.

– Кто же это? – спросил я, не скрывая своего любопытства, – мне казалось, что я уже успел перезнакомиться со всеми людьми Пронина, а по прошлым временам я, кроме того, знал, что Пронин вообще сдержан на похвалы людям.

– Всею своё время, узнаешь, – сказал Пронин, усмехаясь. – Придёт час и я тебя с ними познакомлю.

Надо сказать, что у Пронина была широкая натура, он никогда не отличался скупостью, нуждающемуся мог отдать со своего плеча последнюю шинель, свои деньги постоянно всем одалживал без возврата, но со мною он был щедрее всего; он не любил рассказывать о себе и событиях своей жизни и терпеть не мог когда его об этом спрашивали, но со мною он делился воспоминаниями о самых разных событиях; поэтому, когда он так многозначительно пообещал познакомить меня с людьми, которые должны были меня заинтересовать, я понял, что мне предстоит узнать ещё одну из тех таинственных историй, свидетелем или участником которой довелось Пронину быть.

Очень, очень давно познакомился я с Иваном Николаевичем Прониным. Познакомился при странных обстоятельствах, писать о которых не пришлось, а может быть никогда и не придёт время.

Однако много лет назад, я всё же написал книжку рассказов о приключениях майора Пронина и почти всё в них соответствовало действительности, за исключением собственных имён да географических названий.

Тот, кто их помнит, вероятно не забыл биографию самого Пронина.

Простой мастеровой парень, он с детских лет узнал цену хлебу. Поэтому он недолго размышлял, когда выбирал свой путь в первые дни Октябрьской революции. Добровольцем пошёл в Красную Гвардию, в армии вступил в коммунистическую партию, на деникинском фронте получил тяжёлое ранение, а после выздоровления был направлен партией на работу во Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем или, как её тогда называли всего тремя буквами – ВЧК, во главе которой стоял вдохновенный и скромный революционер – товарищ Феликс Эдмундович Дзержинский.

Майор Пронин поступил на службу в ВЧК во времена Дзержинского

Не хотелось Пронину идти на работу в органы государственной безопасности. Честный коммунист, бывалый солдат и не слишком грамотный парень, он хотел сражаться с противниками революции лицом к лицу, он не понимал ещё как сложна и трудна работа в политической разведке, он даже вообразил, что его посылают из жалости отсиживаться в тылу, когда его товарищи сражаются и гибнут на фронте.

Но вскоре Пронин убедился в обратном. На фронте, где он получил ранение, он обычно видел противника лицом к лицу прямо перед собою, беззаветная храбрость и умение подчиняться приказам почти всегда обеспечивали победу, а здесь, в органах государственной безопасности, требовалось ещё обладать неистребимым терпением, железной выдержкой, находчивостью и хитростью, часто приходилось полагаться только на самого себя и нередко в одиночестве вступать в схватку с более сильным противником.

Пронин понял, что для того, чтобы стать настоящим разведчиком, ему не хватает бесконечно много. Он был слишком непосредственен, несдержан, вспыльчив и зверски некультурен. Одной преданностью партии на этой работе нельзя было обойтись, но он недаром был предан партии до последней капли своей крови. Следовало оправдать доверие партии и Пронин принялся учиться. Непростая была эта учёба, шпионы и диверсанты в первые годы деятельности Пронина в разведке нередко брали над ним верх, но постепенно Пронин научился проникать в замыслы врага, предупреждать их и поражать противника в самое сердце.

Всё более и более сложные дела год от году вёл Иван Николаевич Пронин и, в конце концов, стал в своём ведомстве одним из самых опытных и квалифицированных следователей.

Тот, кто впервые познакомился бы с майором государственной безопасности Прониным в 1941 году, с трудом поверил бы, что этот образованный, воспитанный и сдержанный чело-

век лет двадцать назад был всего-навсего шумливым малограмотным рабочим парнем, – так изменило его время, впрочем, не без помощи его самого.

Незадолго до войны превосходный советский писатель Евгений Петров, который в 1941 году был редактором журнала «Огонёк», попросил меня описать ещё какое-нибудь приключение майора Пронина и, таким образом, появилась на свет повесть «Голубой ангел».

В ней рассказывалось о попытке одной иностранной разведки похитить важнейшее военное изобретение, которое принесло нам в минувшей войне немалую пользу.

Лев Овалов. Рисунок Анны Леон

«Голубой ангел» и был тем произведением, на котором на длительное время оборвалось моё знакомство с Прониным и знакомство моих читателей со мной. События военных лет раз-

бросали нас всех в разные стороны. Пронину было не до меня, мне не до повестей, а читателям, правду сказать, ни до меня, ни до Пронина, всем нам пришлось съесть не один пуд соли и ещё много лет после войны горькая оскомина сводила нам наши челюсти.

Но, вот, я получил возможность вернуться к литературной работе, и совершенно естественно, что я сразу же постарался разыскать героя своих рассказов, тем более что Пронин был не только героем моих повестей, но и одним из самых верных и добрых моих друзей в жизни.

Увы, Пронин, как оказалось, в органах государственной безопасности уже не работал. Те качества, которые он выработал в себе за долгие годы работы в советской разведке, вдруг обратились против него самого. Воспитанный в традициях Дзержинского, Иван Николаевич Пронин всегда и неизменно считал себя лишь верным солдатом партии, готовым выполнить любое её поручение. Но наступили такие годы, когда органы государственной безопасности стали действовать вопреки указаниям, а затем и прямо во вред партии. Принципиальность и честность перестали быть мерилami поведения работников государственной безопасности, политический авантюризм, низкопоклонство и личные интересы стали управлять поступками работников советской разведки. Вместо того, чтобы оберегать советских людей от лжи и клеветы, в органах государственной безопасности начали фабриковаться искусственные заговоры и выдуманные преступления, авантюристы, пробравшиеся в эти органы, поставили своей целью уничтожить как можно больше честных советских людей. Для такой деятельности Пронин не годился. Выслуживаться он не хотел, кланяться не умел, при таких руководителях, как Берия, Пронин в органах государственной безопасности пришёлся не ко двору.

Таким был майор Пронин в 1930-е. Рисунок Анны Леон

Всю войну Пронин работал в военной разведке и, если когда-нибудь будет можно описать его приключения в годы войны, получится, пожалуй, роман куда более увлекательный, чем даже прославленные «Три мушкетёра» Дюма.

После войны Пронин не захотел вернуться в органы государственной безопасности и это решение было одним из самых умных поступков в его жизни. Вернись он туда, он сам пропал бы там ни за понюшку табака. Откажись он выполнить какой-нибудь грязный приказ или выступи против какой-либо несправедливости, он бы уподобился Дон-Кихоту. Существовала только одна сила, которая могла справиться с могущественными авантюристами и подчинить органы государственной безопасности своей воле. Этой силой была коммунистическая партия, – партия, всегда и неизменно находящаяся на стороне интересов народа. Поэтому при демобилизации из армии Пронин попросил послать его на партийную работу и его просьба была удовлетворена.

Обнаружить его местоположение оказалось не то чтобы просто, всё же в результате своих поисков я узнал, что Иван Николаевич Пронин работает первым секретарем Улыбинского райкома партии.

Мы списались, и я получил приглашение провести свой отпуск в гостях у Пронина. Я охотно откликнулся на приглашение и в течение целого месяца наблюдал за Прониным.

Секретарь райкома партии...

Незавидная жизнь для того, кто думает только о себе и личные интересы ставит превыше всего. Ни сна, ни отдыха, всегда у всех на виду и всегда и за всё в ответе. В колхозах плохо – виноват, промышленность отстаёт – виноват, коммунисты не идут в авангарде – виноват, дети плохо учатся в школах – тоже виноват, в библиотеках не хватает книг или в кинотеатрах демонстрируют старые картины – тоже виноват, а если в районе всё идет сравнительно хорошо, помогай отстающим соседям, не успокаивайся на достигнутом, иди вперед сам и веди за собой других коммунистов!

Да, не будь Пронин настоящим коммунистом, я бы сказал, что лично дал себя он променял синицу на ястреба. Находясь у него в гостях, я увидел, что это такое жизнь первого секретаря райкома. Да, для коммуниста это была жизнь, но просто по-человечески мне было жалко. Он был весь в непрерывном горении, весь в заботах о людях и в столкновении с людьми...

Это было непрерывное круглосуточное дежурство, как на станции скорой медицинской помощи, но только здесь в центре внимания находились и сев, и хлебопоставки, и заготовки молока, ввод в действие нового сахарозавода, и семинар пропагандистов, и конференция и множество обид и неотложных нужд, с которыми обращаются в райком сотни различных людей. Не по своей вине Иван Николаевич оказался не слишком гостеприимным хозяином, но хотя я не знал, когда обедает и спит сам хозяин, он находил время поинтересоваться накормлены ли и хорошо ли спал его гость. Большую часть времени, проведенного мною в станице Улыбинской, был предоставлен самому себе, – я был волен знакомиться с кем хочу и заполнять время чем мне угодно; я гулял, читал, ловил рыбу и даже написал рассказ, который, как мне казалось, чрезвычайно мне удался и который, после моего возвращения в Москву, забраковали все редактора.

Но перед самым моим отъездом Иван Николаевич точно спохватился и начал уделять мне больше внимания, – правда, это произошло лишь после того, как район разделался с хлебопоставками, – и мы даже съездили вместе на рыбалку и два вечера подряд Иван Николаевич провёл дома, мы вспоминали минувшие дни и вместе перебирали старых знакомых.

Нас больше всего связывало прошлое, и поэтому даже последний прощальный вечер мы вернулись к воспоминаниям.

– Ты мне так и не рассказал, при каких обстоятельствах погиб Виктор, – спросил я Ивана Николаевича. – Может быть, перед отъездом...

В прежнее время мы обращались друг к другу на «вы», но долгие годы разлуки сблизили и даже породнили нас и теперь при первой же встрече мы сразу перешли на «ты».

Виктор Железнов, о котором я спросил Ивана Николаевича, был воспитанником и постоянным помощником Пронина во всех его делах и, повествуя о приключениях майора Пронина, я много и подробно рассказывал и о его неизменном спутнике.

Сын Путиловского рабочего, Виктор Железное познакомился с Прониным в Петрограде в 1919 году. Они подружились и однажды Виктор выручил Пронина из большой беды, что и было описано мною в своё время в рассказе «Синие мечи». Вскоре после происшествия, описанного в этом рассказе, отец Виктора погиб на фронте, защищая родной город от войск генерала Юденича. Мать Виктора снова вышла замуж, и Пронин взял к себе мальчика на воспитание. Так он и вырос при Иване Николаевиче, заменив ему сына. Вырос, выучился и остался работать вместе с Прониным в советской разведке.

При первой же встрече с Прониным я, разумеется, тотчас осведомился о Викторе. Иван Николаевич помрачнел, что-то хмыкнул, помолчал и затем нехотя сказал, что Виктор погиб во время войны. Никаких подробностей он мне не сообщил и, видя, что говорить о Викторе Пронину не хочется, я не стал задавать ему лишних вопросов, надеясь, что как-нибудь при случае Пронин сам разговорится на эту тему.

Однако такого случая так и не представилось, судьба же Виктора меня интересовала и, руководствуясь уже профессиональным интересом, я рискнул всё-таки накануне отъезда задать Пронину интересующий меня вопрос.

Но Пронин не пожелал ответить и на этот раз.

– Когда-нибудь после, – сказал он. – Попозже. Извини, рана ещё не зажила и мне не хочется её бередить.

Что же касается Агаши, верной экономки, кухарки и няньки Пронина, то при первой же встрече Пронин сам рассказал мне, что одновременно с отъездом Пронина и Виктора на фронт, Агаша уехала к себе на родину в деревню, да так там и осталась.

– Звал обратно – не захотела, – сказал Иван Николаевич. – Говорит – стара, не услужу. Я ей помогаю время от времени...

Так у нас и не получилось разговора о Викторе, и его гибель осталась для меня тайной.

Но Пронин, должно быть, уловил досаду, появившуюся во мне в результате его отказа познакомить меня с судьбой Виктора. Он сорвал ещё одну виноградину и медленно её разжевал, точно кислота незрелой ягоды мешала ему чувствовать кислоту, наполнявшую его сердце.

– Ничего, не огорчайся, – утешил он меня. – Зато я познакомлю тебя с такой историей из современной жизни, что она вполне удовлетворит твоё профессиональное любопытство. А если ты к тому же сумеешь её описать, окажется, что ты не зря провёл месяц в нашей станице.

Вечер был великолепен, – тёплый душистый вечер ранней осени, беседка тонула в густом лиловом мраке, казалось, в воздухе разлито местное терпкое вино, мириады серых мотыльков трепыхались над столом и облепляли сияющую лампочку, мой собеседник был симпатичен мне и любезен со мной, словом, налицо были все аксессуары для того, чтобы обрамить интересный рассказ, который я собирался услышать.

Меня смущало лишь то, что должны были прийти гости, которые могли прервать рассказ на самом интересном месте, а, как всем известно, на свете, кажется, нет ничего хуже прерванного удовольствия.

– А нам не помешают? – спросил я, кивая на пустой стол.

– Напротив, не только не помешают, но даже дополняют твои впечатления, – успокоил меня Иван Николаевич. – Кстати, ты мне напомнил...

Он обернулся к двери.

– Ларионовна! – крикнул Иван Николаевич. – Пожалуйте-ка сюда!

Ларионовна заставила позвать себя ещё раз и, наконец, появилась.

Это была, конечно, далеко не Агаша, – местная казачка, считавшая, что она делает невесть какое одолжение, готовя Пронину обед и убирая его комнаты, – пожилая баба, которой лень было работать в колхозе и которая, благодаря Пронину, получила возможность там не работать. Таковы противоречия жизни: секретарь райкома, обязанный заботиться о том, чтобы все рабочие руки в колхозах использовались по назначению, не мог обойтись без кухарки! К тому же эта Ларионовна, как мне казалось, ещё и обкрадывала своего хозяина, во всяком случае обеды она готовила слишком аккуратно, ежедневно, хотя Пронин обедал не каждый день, разъезжая по району, он иногда по нескольку дней не показывался у себя дома.

– Накрывайте на стол, – сказал Иван Николаевич своей Ларионовне. – Пока суд да дело...

Я только молча взглянул на Пронина.

– Ничего, – успокоил он меня ещё раз. – Одно другому не мешает, она будет накрывать, а мы толковать...

Ларионовна действительно не торопилась. Она принесла тарелки, расставила, исчезла, после долгого отсутствия появилась вновь, принесла закуски – сыр, колбасу, селёдку, – селёдку, впрочем, надо отметить, она приготовила аппетитно, с лучком, с огурчиками, с яичком, – исчезла опять, принесла рюмки и затем графин с водкой и две бутылки с вином...

Судя по количеству напитков, гостей ожидалось сравнительно много, – Пронин пил редко и мало, а я и того меньше. Ларионовна неодобрительно посмотрела на бутылки, покачала головой и, не оборачиваясь к нам, спросила:

– Хватит?

– Полагаю, – добродушно сказал Пронин. – Теперь жарьте рыбу...

Он не обращал большого внимания на Ларионовну, – она неторопливо накрывала на стол, а Иван Николаевич не спеша знакомил меня со своей историей. И история эта оказалась столь необычной и, одновременно, обычной, что я действительно несколько не пожалел о месяце, проведённом мною в этой кубанской не слишком шумной и не слишком оживлённой станице.

– Как тебе известно, ни один даже самый талантливый писатель не способен придумать таких сложных ситуаций, какие случаются в подлинной жизни, – сказал Иван Николаевич. – Это только начинающие литераторы воображают, что читателей легко удивить. Очень нетрудно отличить выдумку от того, что действительно произошло в жизни. Провести в этом читателей не удавалось ещё никогда и никому. Правда не только поучительнее, но и интереснее всякой выдумки. И вот одну из таких правдивых историй я и собираюсь тебе рассказать...

Ларионовна загремела вилками и ножами, высыпав их из передника на скатерть, шум этот конечно, отвлек моё внимание, и я недовольно посмотрел на его виновницу, Пронин же только усмехнулся и переждал, пока Ларионовна раскладывала свои вилки и ножи у тарелок.

– Вот так проза и перебивает поэзию, – заметил Пронин с улыбкой. – Я здесь, как тебе известно, секретарствую уже два года и район наш, скажу без скромности, в крае не из последних. В колхозах – порядок, сам видел, начинают выходить на широкую дорогу, строим большой сахарный завод, люди тоже опереются мало помалу. Всё шло по заведённому порядку и вдруг жизнь, вроде как сейчас Ларионовна, загремела у меня над ухом своими вилками и ножами. Ты сам понимаешь, времени у секретаря райкома в обрез. То туда, то сюда, колхозы, совхозы, пленумы, посетителей никогда не успеваешь толком принять, и поэтому очень многое проходит мимо. Выбираешь самое главное, чем надо заняться, во всяком случае так кажется, что самое главное. И очень многое, что надо увидеть и на чём остановить своё внимание, не замечаешь. Тем более, что вся жизнь состоит, в общем, из мелочей. И вдруг эта жизнь сама врывается в твой кабинет, гремит над ухом и какой-нибудь частный случай вдруг заставляет тебя увидеть нечто такое и сделать такие обобщения, что поневоле приходится перестраивать всю работу и видеть жизнь уже в каком-то ином и более сложном качестве...

И далее всё написанное мною есть только изложение того, что я услышал от Ивана Николаевича Пронина.

Смерть тракториста Савельева

Мне давно хочется написать приключенческую повесть, в которой не было бы ни убийств, ни смертей, ни каких-либо других мрачных события, хочется сочинить этакую изящную безделушку, умело сделанную и приятно написанную, остроумную и увлекательную, в манере, скажем, такого великолепного писателя, каким, например, является хотя бы непревзойдённый в своём роде Честертон. Но, увы, такие литературные упражнения доступны, пожалуй, лишь писателям, далеко отстоящим от подлинной жизни: подлинная жизнь гораздо грубее и трагичнее той, которую нам нередко изображают в литературе. И так как я взялся описывать события, имевшие место в нашей реальной действительности, я, вопреки собственному желанию, вынужден показывать все острые и неприятные углы того сложного сооружения, каким явилось описываемое мною преступление.

Преступления, как известно, направлены прежде всего против людей, против личности, как выражаются юристы, поэтому именно люди и становятся в первую очередь жертвами совершаемых преступлений, какие бы отвлечённые цели они ни преследовали; похищение знаменитой картины или чертежей секретного изобретения не обязательно требуют человеческих жертв, но так как на пути к этим ценностям неизбежно попадают люди, они и становятся жертвами преступников, устремляющихся к своей цели.

Поэтому выдумай я свою повесть, возможно, я обошёлся бы без особенно мрачных красок, но так как я выступаю всего-навсего в роли беспристрастного хроникёра и описываю подлинное происшествие, я вынужден всё описывать так, как оно происходило на самом деле.

Тракторист Улыбинской МТС Пётр Никифорович Савельев умер 6 июня 1956 года... В конце концов, смерть его могла бы и не привлечь внимания судебных органов, все люди смертны и, случается люди умирают в самом юном возрасте, – но в данном случае странное обстоятельство сопутствовало этой смерти.

Смерть Савельева не привлекла бы и особого внимания Ивана Николаевича Пронина, она прошла бы мимо него стороной, но именно в этом году смерть Савельева оказалась для станичных комсомольцев очень большой потерей, а так как Иван Николаевич был в курсе дел местных комсомольцев, он вместе с ними тоже почувствовал утрату Савельева. А затем дополнительно выяснилось ещё одно обстоятельство, о котором прокурор Матвеев счёл себя обязанным поставить в известность Пронина, как секретаря районного комитета партии, и это придало случаю Савельева уже бесспорно трагический и таинственный характер.

Пётр Никифорович Савельев был коренной станичный житель, в Улыбинской он родился, учился, вырос, окончил семилетку и, отслужив свой срок в армии и вернувшись в родную станицу, поступил на работу в местную МТС. Сперва он работал прицепщиком, потом прошёл курсы механизаторов и стал одним из лучших трактористов. Женился он рано, жену взял тоже из местных станичных девушек, учиться она не захотела, кое – как закончила четыре класса и пошла на работу в колхоз. Но жена получилась из неё добрая и в своём Пете она не чаяла души. Первые два года после свадьбы молодожёны прожили у родителей Петра, потом решили отделиться, Пётр поставил себе хату, – помогли родители, МТС, друзья, – и вскоре Савельевы зажили своим домом.

Весной 1956 года Савельеву пошёл двадцать девятый год, его Анна Леонтьевна была помоложе, было у них уже двое пацанов – мальчик и девочка, и если бы не беспричинная ревность Нюры, которая год от года любила своего Петю всё горячее и горячее, их жизнь можно было бы назвать безоблачной. Надо отметить, что сам Савельев поводов для ревности не давал и над вспышками своей жены только посмеивался.

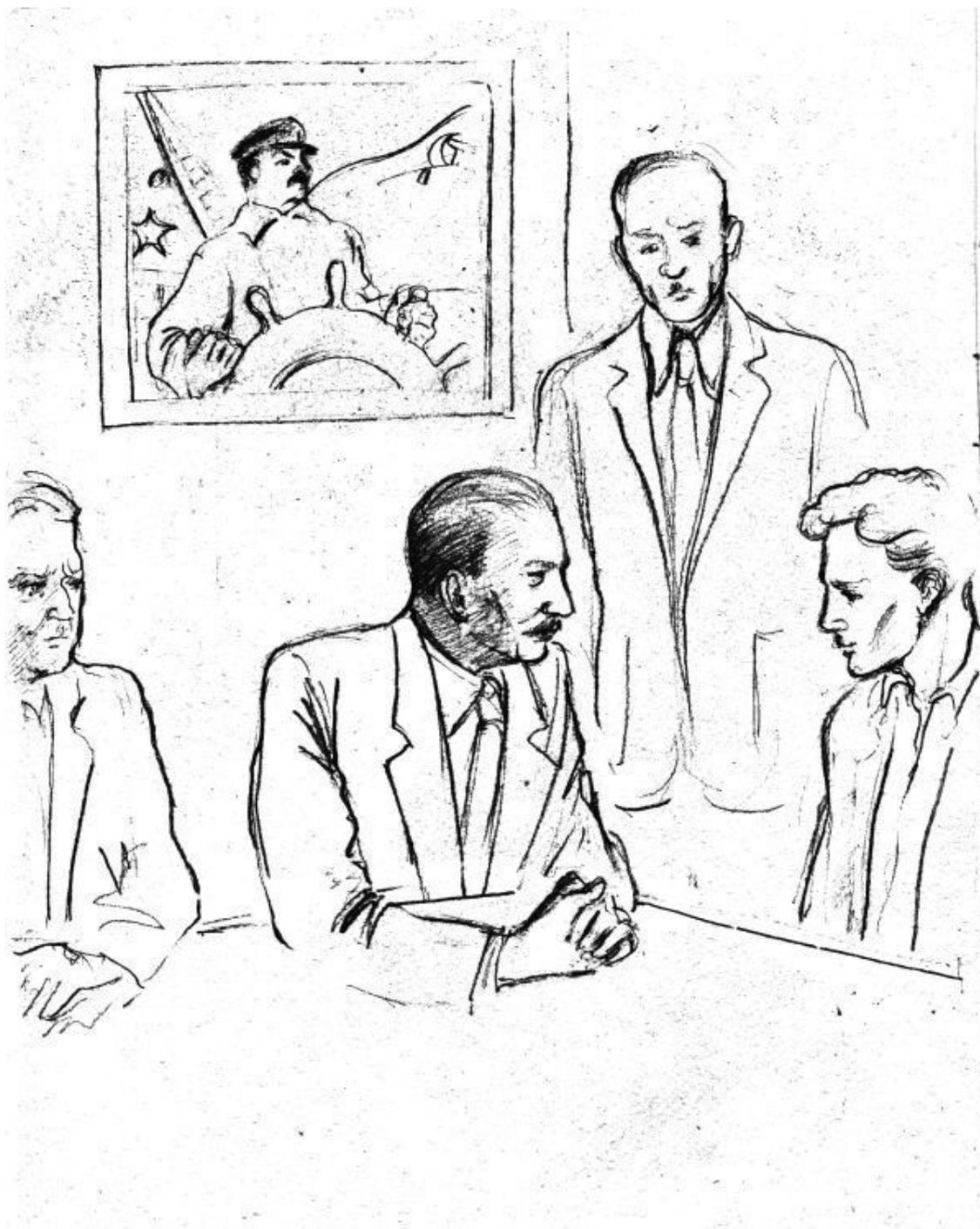
– Хитрая у меня жинка, – говаривал он девчатам в МТС. – Купила мне в городе тёмные очки, говорит от солнца, а на самом деле, чтобы на вас не засматривался.

Он и на самом деле смотрел на них как бы через тёмные очки, не засматривался, но девчата, чтобы подзадорить Нюру, возвращаясь вместе с Савельевым с работы в станицу, едва приближались к дому Савельевых, нарочно начинали липнуть к Петру, хватали его под руку, прижимались, заглядывали в глаза, и Анна Леонтьевна, стоя у крыльца, встречала мужа гневными и страстными взглядами: будь это в её власти, она сожгла бы своими взглядами и мужа, и этих задиристых и насмешливых девчат.

Но Пётр Никифорович входил в дом, целовал свою Нюру так же тепло, как и в первые дни после женитьбы, подкидывал к потолку ребятишек, и сердце Анны Леонтьевны отходило, и в доме вновь водворялись мир и покой, покуда его опять не нарушала какая-нибудь насмешливая и беспечальная дивчина.

Пронин познакомился с Савельевым в феврале этого же года на заседании бюро райкома, когда Савельева принимали в кандидаты партии. До этого Иван Николаевич видел Савельева раза три или четыре когда приезжал в МТС, но не обращал на него особого внимания, парень ничем особо не выделялся, в МТС многие хорошо работали, Улыбинская МТС вообще была на хорошем счету. Когда Савельева пригласили войти в кабинет Пронина, где происходило заседание бюро, Иван Николаевич пытливо взглянул на вошедшего и тотчас, чтобы его не смутить, отвёл от него глаза.

Задорожный, секретарь партийной организации МТС, доложил, что первичная партийная организация постановила принять Савельева в кандидаты партии и кратко характеризовал его, сказав, что Савельев примерный производственник, относится к порученной работе очень добросовестно, не гонится за длинным рублём и что в колхозах его хвалят за высокое качество работы.

Майор Пронин на совещании. Рисунок Анны Леон

Иван Николаевич опять посмотрел на Савельева, на этот раз повнимательнее, как бы оценивая его. Открытое лицо, хотя черты лица несколько мелковаты, в складках губ чувствуется большое упрямство, серые глаза не блещут как будто большим умом, но это честные глаза... Савельев скорее понравился Пронину, и Иван Николаевич решил, что вопрос о приеме Савельева в партию не вызовет лишних разговоров. Но вопреки предположению Пронина, Горбенко, секретарь райкома по зоне Улыбинской МТС, засыпал Савельева множеством неприятных вопросов и это было более удивительно, что Горбенко присутствовал на собрании партийной организации, когда Савельева принимали в партию и с помощью своего авторитета мог легко притормозить этот приём.

– Вы обдумали своё вступление в партию? – спросил Горбенко Савельева.

– А как же? – задумчиво ответил Савельев. – Трошки подумал.

– Только трошки? – строго переспросил Горбенко.

– Ну, зачем трошки, – ответил Савельев. – Очень даже не трошки, это я так только, к слову. Основательно подумал.

– А доклад товарища Хрущёва на сентябрьском пленуме читали? – спросил Иванов, председатель районного исполкома.

– Я его не только читал, а выполнял, – сердито ответил Савельев и, как показалось Пронину, вызывающе посмотрел на Иванова.

– Как же вы его выполняли? – добродушно спросил Иванов.

– А вы спросите про мои показатели у товарища Задорожного, – пояснил Савельев с явным чувством уважения к самому себе. – Он вам пояснит.

Этот ответ понравился Ивану Николаевичу.

Но Горбенко продолжал свой допрос.

– А в Бога вы верите, товарищ Савельев? – по – прежнему строго спросил он Савельева.

– А вы верите? – насмешливо ответил ему теми же словами Савельев.

– Я-то не верю, – сказал Горбенко. – Но, если я вас о том спрашиваю, значит есть у меня для того основания.

– Ну, и я не верю, – отозвался Савельев. – Это всё равно как бы спросить: верю ли я в дырку. Я в армии два года прослужил, там – то я чему-нибудь научился?

И этот ответ понравился Пронину, но Горбенко сейчас же повернул этот ответ против Савельева.

– А зачем же вы крестили своих детей, ежели не верите в Бога? – язвительно спросил он Савельева. – То – дырка, а то в холодную погоду позволили их в купель окунать, простудить могли... Это для чего?

Савельев покраснел, багровая краска сразу залила его щёки и подбородок, а затем побагровел и его лоб, от внутреннего напряжения на нём даже выступили росинки.

Так то жинка, – сконфуженно сказал он. – Бабы глупости. Я тут не при чём.

– Значит, жена попов поддерживает, а вы тут не при чём? – не унимался Горбенко. – Несерьёзный ответ, а ещё в партию вступаете. Коммунист жену воспитывать должен.

– Я и воспитываю, – сказал Горбенко. – Третьего окрещивать не будем.

– Ну, это мы увидим, – сказал Горбенко. – Но я сейчас про вашу жену говорю. Не работаете вы с ней.

– Это как же мне с ней работать? – спросил Савельев.

– Вот, говорят, ваша жена даже по знахарям и бабкам бегает, – сказал Горбенко. – Ворожит, гадает...

– Ну, это опять одно глупство, – возразил Савельев и даже усмехнулся. – Это она от ревности.

– А вы ей поводов не даёте? – спросил Иванов.

– Да нет, как будто, – весело сказал Савельев. – Я уж ей говорил: заместо того, чтобы колдунам за суеверие платить, лучше бы ты мне горилки купила.

– Вот вы и по части горилки тоже стали нажимать, – продолжал шпиговать Савельева Горбенко. – Как стали много зарабатывать, так горилка у вас, говорят, стала частым гостем на столе.

– Ну, и брехня – спокойно возразил Савельев. – Я горилке внимания уделяю не больше, чем девкам. А вот пиво... пиво я уважаю, иногда за ужином бутылку-другую опорножню...

Он обвёл глазами присутствующих.

– Что, разве нельзя? – спросил он не без лукавства, – он знал, что многие из присутствующих не прочь были бы посидеть за ужин с горилкой.

– Нет, почему же нельзя? – сказал Горбенко. – Я только всё это говорю к тому, что теперь вы примером для всех должны стать, коммунист не только в поле должен пример подавать.

– Это вы понимаете? – спросил Савельева Пронин.

– Понимаю, – рассудительно ответил Савельев.

– Так ты что? – обратился Пронин к Горбенко. – Ты «за» или «против»?

– Разумеется «за», – сказал Горбенко. – Я и на партийном собрании высказывался «за», я только хочу объяснить товарищу Савельеву как теперь возрастает его ответственность и перед самим собой, и перед коллективом, теперь он за всё отвечает во много раз больше, и за жену свою отвечает, и за детей.

– Словом, – усмехнулся Пронин, – взялся за гуж, не говори, что не дюж?

– Вот именно, – подтвердил Горбенко. – Я думаю, Савельев будет хорошим коммунистом, но наш долг сказать ему о его обязанностях.

– Высказаться кто-нибудь хочет? – спросил Пронин.

– Позвольте мне, – сказал Тарановский, секретарь райкома комсомола. – Я бы хотел сказать...

– Да ведь Савельев не комсомолец, – сказал Горбенко, удивляясь тому, что Тарановский хочет говорить о Савельеве.

– Ну и что ж, что не комсомолец? – обидчиво возразил Тарановский. – Что ж, я о комсомольцах только имею право высказываться? Мне есть, что сказать о Савельеве. Комсомольская организация школы № 3 подняла поход против сорняков. Мы ведь кричим, кричим о борьбе с сорняками, а по существу никто ничего не делает. Ребята, наконец, взялись за дело, а кто им помог? Никто. Только один Пётр Никифорович и откликнулся. И ведь как откликнулся! Не стал ни речей произносить, ни обещаний давать. Договорился с ребятами и каждый вечер, после работы, на два – три часа выезжает на своём тракторе выкорчёвывать эту чёртову амброзию. Сколько канав, сколько обочин на дорогах очищены с его помощью! Я думаю, так именно и поступают настоящие коммунисты. Станичные комсомольцы не нахвалятся им...

– Чего ж ты нам об этом не рассказал? – спросил Пронин Савельева.

Тот улыбнулся.

– Чего ж рассказывать...

Это было сложное и трудное дело – борьба с сорняками. Значительные площади поражены на Кубани амброзией. Так называемая амброзия полыннолистная – ужасный сорняк, цепкий, упорный, трудно поддающийся уничтожению. Сорняк этот засорял и глушил посевы с таким неистовством, точно задался целью уничтожить на Кубани все хлебные культуры. В народе даже ходила легенда, что какие-то неопознанные самолёты летали после войны над Кубанью и нарочно рассеивали семена этой амброзии для того, чтобы советские люди подольше не могли восстановить своё хозяйство. Говорили, что это американские капиталисты прислали советским людям такой подарок, – так это было или не так, никто толком не знал, но во всяком случае амброзия приносила сельскому хозяйству Кубани немало вреда. Краевой исполком публиковал строгие постановления, которыми обязывал всех и вся вести строгую борьбу с амброзией, но – скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Грозные постановления печатались в газетах, наклеивались на стены в учреждениях, а амброзия росла себе и росла...

В ином колхозе или совхозе очищали поля от сорняков, но амброзия росла и на обочинах канав, и в палисадниках, и на огородах, ветер вновь разносил семена амброзии по полям, и до тех пор, пока весь народ не поднимется на борьбу с сорняками, с амброзией было не совладать.

За последний год на бой с амброзией всё чаще стали выходить комсомольцы, и тогда, когда они делали это дружно и напористо и им удавалось поднять за собой всю молодежь, заросли амброзии редели и исчезали и в районах, избавленных от амброзии, заметно увеличивался урожай. И, вот, в этом походе комсомольцев против амброзии самое непосредственное

участие принял, оказывается, и тракторист Савельев. О походе комсомольцев против сорняков Пронин знал от Тарановского, но об участии в нём Савельева слышал впервые.

– То, что вы включились в это дело, это вы молодец, – сказал Пронин. – Это и есть коммунистическое отношение к труду.

Он обвёл членов бюро глазами.

– Какие будут предложения?

– Принять, конечно, – отозвался Иванов. – Чего там!

Пронин для порядка всё-таки спросил:

– Возражений нет?

Затем он встал, вышел из-за стола, подошёл к Савельеву и пожал ему руку.

– Поздравляю, товарищ Савельев, – сказал Иван Николаевич и сам взволновался. – Вы теперь находитесь в рядах той самой партии, которая... Которой...

Иван Николаевич всегда волновался, когда в партию принимали нового коммуниста.

– Я надеюсь, что вы волнуетесь не меньше моего, – сказал он Савельеву. – Это должен быть для вас великий день, товарищ Савельев. Каждый раз, когда мы принимаем в партию нового коммуниста, я всегда вспоминаю, как принимали в партию меня самого. Это было на деникинском фронте, где нас каждую минуту могли убить или ранить, и, если бы деникинцы подобрали меня раненым и нашли бы при мне партбилет, меня бы наверняка повесили, а может быть, даже вырезали на спине пятиконечную звезду. Но это не останавливало тех, кто шёл тогда в партию. Другой такой партии нет во всём мире. Коммунисты не ищут ни власти, ни славы, они не думают о собственном благополучии. Они борются за счастье всех людей на земле. Нет другой партии, которой были бы так дороги все люди и на всём свете. Вы состоите в партии, которая создана Лениным, и вы обязаны теперь постоянно у него учиться. Теперь каждый обиженный человек может обратиться к вам, и вы обязаны ему помочь. Вы теперь вышли на передовую линию: больше чести и больше опасности. Думаю, что вы будете достойны носить звание коммуниста. Поздравляю вас ещё раз.

Многие считали, что это у Пронина слабость – любит, мол, старик поговорить, приняли бы, проголосовали и всё, а инструктор райкома Курочкин, присутствуя как-то на заседании бюро и будучи свидетелем подобной сцены, даже упрекнул Пронина в сентиментальности.

– Стар становишься, товарищ Пронин, – пошутил с барственной небрежностью Курочкин. – Не жалеешь времени, ни своего, ни чужого. Какая-то излишняя чувствительность. Прямо дедушка перед внуком.

Но Савельев, должно быть, понимал Пронина не так, как Курочкин, – он стоял перед Прониным весь красный, смущенный и нервно теребил в руках свою шапку, так же, как теребили до этого свои шапки перед Прониным уже десятки людей, глаза его заволокло слезами волнения, и Пронин знал, что эту минуту Савельев запомнит так же, как запомнил её и сам Пронин, потому что в партию вступают всего один раз в жизни. Савельев пожал Пронину руку и, ничего больше от смущения не сказав, быстро пошёл к выходу, и все улыбнулись ему вслед, все понимали, что «нашего полку прибыло». После этого Иван Николаевич видел Савельева всего один раз, когда с директором МТС Дыховичным поехал весной в поле посмотреть, как вспахивают землю под кукурузу.

Савельев, загорелый весёлый и небритый, проехал на тракторе мимо Пронина и приветливо помахал ему рукой.

В свою очередь Пронин тоже поднял руку и жестом остановил тракториста.

– Что скажете, товарищ секретарь? – громко спросил Савельев, выключив скорости и не слезая с трактора.

– Давно вас не видел, товарищ Савельев, – сказал Иван Николаевич. – Соскучился. Вот приехал к вам с вашим директором Он всё хвалится, а я о недостатках хочу узнать. План-то ещё не вполне... Вот и хочу спросить: что нам мешает?

– А хотя бы и вы, товарищ Пронин, – тотчас же насмешливо отозвался Савельев, с хорошим задором посматривая на секретаря райкома. – Оторвали от работы и сами же торопите!

Дыховичный довольно захохотал.

– А всё-таки? – настаивал Пронин. – Скажите что-нибудь о неполадках...

– А вы приезжайте к нам вечером в МТС, не поленились, – сказал Савельев не без подковырки. – Там о неполадках и поговорим.

– Вот вы какой стали! – ответил Пронин не без одобрения. – Ну, а на семейном фронте как, третьего ещё не ждёте?

– Пока ещё нет, но крестить не будем, это я вам обещал, – засмеялся Савельев.

– Значит, перевоспитали жену? – спросил Пронин.

– Не совсем, – отозвался Савельев уже не так весело, с некоторым смущением. – Нажимаю, конечно, но от бабок ещё не совсем отбил...

Он опять порозовел.

– Ну, я поехал, – сказал он, явно желая оборвать разговор на семейные темы. – До вечера!

Но вечером Пронин в МТС так и не выбрался.

Спустя два месяца к Пронину пришёл вечером районный прокурор Матвеев и доложил, что в ночь с 6-го на 7-е июня в районной больнице умер тракторист Савельев и что смерть его, как было обнаружено на вскрытии трупа, по заключению судебно-медицинской экспертизы последовала от отравления каким-то ядом из группы морфинов.

Если бы Пронин действительно отличался чрезмерной чувствительностью, он бы так и ахнул от такого известия, но Пронин, вопреки мнению товарища Курочкина, чувствительностью не отличался и, когда слышал что-либо такое, что действительно могло его взволновать, наоборот, замыкался в себе и принимался думать, обдумывать, что произошло и что в связи с этим надо делать.

Иван Николаевич посмотрел на бледное и несколько вытянутое лицо Матвеева...

Он не очень любил Матвеева, хотя считал его неплохим работником. Матвеев всего четыре года назад окончил Юридический институт и для своих лет, и для своего стажа продвигался по служебной лестнице даже слишком быстро.

Он был очень подкован по части знания законов, но, по мнению Пронина, был уж чересчур законником, если по закону человека следовало осудить и засудить, на Матвеева не могли воздействовать никакие смягчающие обстоятельства, не предусмотренные соответствующими постановлениями или разъяснениями. На посту районного прокурора Матвеев проявлял много энергии, но Пронин считал, что для своего возраста Матвеев слишком рано окостенел, чиновника в нём было больше, чем коммуниста, он бы родного отца без сожаления отправил на каторгу, соверши тот какое-либо подходящее преступление.

– Жаль парня, хороший был коммунист и хороший работник, – только и сказал Пронин Матвееву. – Однако слушаю.

– Да слушать-то особенно нечего, Иван Николаевич, – сказал Матвеев. – Пришёл и доложить, и посоветоваться, не знаю, с какой стороны и подступить.

Он рассказал Пронину всё, что было известно ему самому.

Савельев пришёл домой ещё засветло. Он закончил свой рабочий день, как обычно, перевыполнив норму. На работе ни с кем не ссорился, от начальства никаких замечаний не получал. Словом, на работе у него всё было в порядке. Дома тоже всё, по-видимому, обстояло хорошо. Девушки в последнее время перестали поддразнивать его жену, и поэтому Анна Леонтьевна вела себя как нельзя лучше.

Придя домой, Савельев умылся, переделся и, пока жена собирала на стол ужин, возился с детьми, он всегда, если приходил домой, хоть немного, но обязательно играл с ребятами. Анна Леонтьевна накрыла на стол, потом Савельев помог жене уложить детей спать и лишь после этого они сели за ужин.

Ужин прошёл очень мирно и после ужина они тут же легли спать. Но едва они легли, как Савельеву стало плохо, он пожаловался, что у него кружится голова, потом его начало тошнить, за ужином он выпил всего бутылку пива и Анна Леонтьевна даже спросила мужа, не заходил ли он с кем-либо по дороге домой в чайную, хотя и не было заметно, что Савельев выпил, он ничего на это не ответил и только отрицательно покачал головой, затем началась рвота и Савельев потерял сознание.

Анна Леонтьевна, забыв всё на свете, забыв даже о спящих детях, бегом побежала в районную больницу. Там тоже не затянули дело с выездом, дежурный врач немедленно послал санитарку за шофёром, благо тот жил неподалёку от больницы и шофёр не заставил себя ждать, ведь ехать надо было за Савельевым, санитарка сказала шофёру об этом, а Савельева знали и уважали во всей станице.

Когда Савельева привезли в больницу, он был ещё жив, но в сознание так и не пришёл. Врач решил, что имеет место какое-то отравление, он, конечно, подумал, что имеет место пищевое отравление. Было проделано всё, что полагается в таких случаях, врач и сестры не отходили от Савельева, но спасти его не удалось. Меньше чем через час после прибытия в больницу Савельев умер.

Анна Леонтьевна не отходила от дверей палаты, в которой находился Савельев. Слова о смерти оглушили её. Она упала тут же у двери и дежурным медсёстрам пришлось приводить её в чувство. Она, конечно, пришла в себя, но это была уже совсем другая женщина. Трудно было поверить, что горе может так сразу изменить человека. Молодая здоровая двадцати семилетняя женщина постарела у всех на глазах, она вся посерела, у глаз и губ появились морщины, которых не было ещё час назад, вся она осунулась и похудела. Нет, нет, это уже не была разбитная и дерзкая на язык Нюра, которая так охотно перебранивалась с девчатами, поддразнивавшими её своей привязанностью к её мужу!

Дежурный врач констатировал смерть от пищевого отравления.

Анна Леонтьевна запротестовала было против вскрытия трупа, но врачи настояли, смерть была столь неожиданна, что без вскрытия обойтись было нельзя, тем более, – это тоже объяснили Анне Леонтьевне, – такая внезапная смерть могла бросить тень и на самую Анну Леонтьевну.

Ну, а вскрытие, которое производил судебно-медицинский эксперт, специально вызванный из города, установило, что смерть Савельева произошла вследствие отравления, но не пищевого, как это предположил врач районной больницы, а от яда, принятого (Савельевым за два-три часа до своей смерти. Эксперт не смог точно назвать яд, но в своем заключении безапелляционно отметил, что это был какой-то препарат группы морфина.

Препарат морфия...

Откуда бы он мог взяться в хате Савельевых? По дороге домой Савельев никуда не заходил, это было точно установлено Матвеевым.

Врагов у него не было.

На него даже никто не обижался.

Самоубийство?

Но из-за чего?

Не из-за чего было Савельеву кончать жизнь самоубийством.

Временного умопомешательства с ним тоже не могло быть.

Жена?

Но у Анны Леонтьевны не было причин желать смерти своему мужу...

Да и смерть своего Пети она переживала так что, кажется, предпочла бы лечь в гроб сама.

Хотя медицинская экспертиза категорически отвергла возможность пищевого отравления, Матвеев всё же поинтересовался, что ели Савельевы за ужином.

Борщ со свиной, яичницу с салом, пили молоко. Все дети, и Савельев, и Анна Леонтьевна, ели из одной посуды, однако Анна Леонтьевна не чувствовала никакого недомогания.

Кроме того, Савельев выпил ещё бутылку пива, которое Анна Леонтьевна не пила. Пиво было куплено накануне в чайной, и никто из тех, кто пил это пиво в чайной, даже не почувствовал себя нездоровым. Бутылка от пива, которое выпил Савельев, сохранилась, на дне её ещё оставалось несколько капель пенного напитка. Матвеев срочно направил эту бутылку с остатками пива в город на исследование в химическую лабораторию. Официального ответа он ещё не получил, но по телефону из лаборатории сообщили, что в бутылке пиво, как пиво, никаких примесей в нём не обнаружено.

Подозревать в смерти Савельева было некого.

Конечно, легче всего было заподозрить Анну Леонтьевну, с ней провёл Савельев последние часы своей жизни, но если даже Матвеев не находил против неё никаких улик, значит их действительно не было.

Будь хоть малейший повод к ней придраться, Матвеев её бы не пощадил, он не пожалел бы ни её самую, ни её детей, он бы не задумываясь отдал бы указание её арестовать...

Нет, уж если Матвеев её миловал, значит, все подозрения против неё отпадали.

Но тогда – кто?

И – почему?

И – зачем?

Отравление налицо, но кто же в этом виноват и как же оно произошло?

– На этот раз я абсолютно теряюсь, – откровенно признался Матвеев и взмолился: – Иван Николаевич, ведь у вас большой опыт по этой части, помогите.

Пронин только вздохнул.

– Я не бог и тоже ничего не вижу.

– Как же быть? – спросил Матвеев.

– Ждать, – сказал Пронин. – Выждать. Может быть что-нибудь и обнаружится.

– А если не обнаружится? – спросил Матвеев.

– А не обнаружится – значит, не обнаружится, – сказал Пронин. – Не выдумывать же преступление? А пока что надо позаботиться о жене и детях Савельева, это – прежде всего. Я дам соответствующую команду, но и вам советую подумать об этом.

На этом они расстались, и Пронин не обманул Матвеева, он тоже не знал, что думать о смерти.

Обвинение Прибыткова

Смерть Савельева была, конечно, большой потерей для МТС, он был одним из лучших трактористов, а после вступления в партию то и дело выступал застрельщиком многих важных мероприятий, но эта смерть, как казалось, принесла ущерб даже там, где влияние Савельева было совсем незначительно и где он был только редким гостем.

Недели через две после похорон Савельева, когда слёзы на глазах его родни уже обсохли, а горечь утраты поубавилась, к Пронину пришёл секретарь райкома комсомола Тарановский.

Пришел он советоваться по многим делам и, между прочим, коснулся смерти Савельева, вернее того, какое впечатление произвела эта смерть на комсомольскую организацию школы № 3.

– Довольно-таки паршиво обстоят дела в школе, – пожаловался Тарановский. – Никогда бы не подумал, что смерть одного товарища может так деморализовать целый коллектив. Ребята так успешно начали свой поход против сорняков, пожалуй, половина станицы была очищена ими от амброзии, а сейчас как-то все размагнитились, разбрелись кто куда, у всех нашлись какие-то свои дела и хорошее мероприятие, которое они, было, начали, так сказать, законсервировалось.

Тарановский вопросительно посмотрел на Пронина и при этом с сожалением пожал плечами, показывая, что в этом деле он бессилён что-либо изменить.

Пронин, разумеется, обрушился на собеседника.

– Что же ты расписываешься в собственном бессилии? – упрекнул он Тарановского. – То, что ты говоришь, прежде всего, характеризует плохую работу райкома.

Тарановский обиженно воззрился на Пронина.

– Да, именно плохую работу райкома комсомола – повторил Пронин. – Если исчезновение одного человека способно остановить работу целого коллектива, значит, там и не было никакого коллектива, значит вы, райком комсомола, не сумели создать в школе сплочённый и работоспособный коллектив комсомольцев. И потом, почему это отсутствие одного Савельева, который и бывал там, вероятно, не слишком часто, может сорвать такое важное мероприятие, каким является поход против сорняков, сорвать мероприятие, проводимое целой общественной организацией?

– Я и сам не знаю, Иван Николаевич, – признался Тарановский. – Но только все как-то увяли.

– Нет, что-то здесь не так, – возмутился Пронин. – Увяли вы в своем райкоме в бумажках, и задаром, что комсомольцы, а живой жизни не видите, не разбираетесь в ней.

– А вот вы и помогите нам, Иван Николаевич, – придрался к случаю Тарановский. – Райком партии занимается только взрослыми делами – уборка, сев, молоко, а чтобы молодёжи помочь...

Пронин усмехнулся.

– Ответная самокритика?

– Хотите, я вызову комсомольцев из школы к нам в райком? – предложил Тарановский. – Вы придёте и побеседуете с нами.

– Нет, это не годится, – отверг Пронин предложение Тарановского. – Лучше уж мы с тобой пройдем в школу и на месте посмотрим, что там у них делается.

– Это ещё лучше, – согласился Тарановский. – Я предложил вызвать комсомольцев, потому что знаю, как вы заняты.

– Что касается занятости, это верно, – подтвердил Пронин. – Но для того, чтобы получить верное представление о человеке, с ним надо знакомиться у него дома, а не звать к себе в гости. Поэтому придётся пойти и посмотреть твоих ребят на месте.

Пронин поехал в школу вместе с Тарановским в тот же день. Вся улица перед школой поросла густой травой и напоминала лужайку, – школа находилась в проулке, прохожих ходило здесь мало, занятия в школе кончились, топтать траву было некому.

Тарановский знал, по-видимому, когда приехать, потому что, сразу повёл Пронина в комнату, где помещался девятый класс.

Там на задней парте сидел долговязый юноша с чёрными курчавыми волосами, вьющимися, как у Пушкина, и с умным широкоскулым лицом. Низко наклоняясь над тетрадкой, как это делают или близорукие, или очень прилежные люди, он что-то старательно писал, непрерывно шевеля губами.

– Ты что это тут сочиняешь? – покровительственно спросил его Тарановский, подходя к юноше и заглядывая к нему в тетрадь.

Тот сперва только махнул рукой.

– Да всё никак с членскими взносами не распутаюсь, – сказал он несколько погодя. – Не сходится, а надо сдавать.

– А сдавать-то много? – поинтересовался Пронин.

– Двенадцать рублей шестьдесят копеек, – отчеканил юноша. – Сорока копеек не досчитываюсь!..

Судя по его взъерошенному виду, эти сорок копеек сидели у него, должно быть, в печёнках!

– Ну, ладно, разберёшься ещё со своими сорока копейками, успеешь, – небрежно сказал Тарановский и представил юношу Пронину: – Это Иван Николаевич, Чоба – секретарь комсомольской организации школы.

– Очень приятно, – сказал Пронин. – А как тебя зовут?

– Василий Григорьевич, – назвался Чоба. – А вы кто?

– До чего солидно! – засмеялся Пронин. – А может можно попроще? Можно – Вася?

Чоба улыбнулся.

– Можно и Вася.

– Так-то лучше, – сказал Пронин. – А, вот, меня приходится звать Иваном Николаевичем, возраст...

– Это товарищ Пронин, секретарь райкома партии, – несколько сконфуженно сказал Тарановский и упрекнул Чобу: – Неужели не знаешь?

– А откуда знать? – возразил Чоба. – Мы родных отцов никогда в школе не видим, а что касается районных руководителей...

Он не договорил, но молчание его было выразительнее иных слов.

– Что ж, признаю и каюсь... – Иван Николаевич усмехнулся. – Но, как видишь, я всё же к вам пришёл.

На этот раз усмехнулся Чоба, – он посмотрел на Пронина блестящими и чуть выпуклыми, глазами, похожими на спелые чёрные вишни, и Пронину показалось, что в глазах этого мальчика таится какая-то насмешка.

– Ведь пришли вы сюда не для того, чтобы нам помочь, – откровенно сказал Чоба, – а для того, чтобы получить помощь от нас.

– Как так? – озадаченно спросил Иван Николаевич. – Это ты в чём же меня подозреваешь?

– Да ведь мы уже не дети, – внушительно сказал Чоба. – Мы понимаем, что к чему.

– Что же ты понимаешь? – недовольно спросил Тарановский, – ему не нравился задиристый тон Чобы, если он так разговаривал с самим Прониным, ему ничего не стоило в таком случае напасть и на райком комсомола, и на Тарановского в частности.

Так оно и оказалось, Чоба только и ждал вопроса Тарановского.

– То и понимаю, что райком сам не может, вот ты и кинулся за помощью к варягам!

– Постой, постой, – сказал Пронин. – Во-первых, неясно чего не может райком и, во-вторых, кто же это варяги?

Ему уже было ясно, что в варяги попал он сам!

– А очень просто, – сказал Чоба, нимало не смущаясь. – Относительно варягов я, конечно, загнул, мы понимаем, что нужно вам от райкома, а райкому от нас...

– Постой, постой, – ещё раз остановил его Пронин. – Кроме тебя ещё кто-нибудь из комсомольцев в школе есть?

– А как же, – сказал Чоба. – Костя есть Кудреватов, Ната Коваленко, оба члены комитета готовят выпускной вечер... – Он почему-то вдруг покраснел. – Ну, и Раиса...

– Ну, Раиса, конечно – подтвердил Тарановский и улыбнулся.

– Почему конечно? – спросил Пронин.

– А потому, что Раиса его подруга, – объяснил Тарановский, – Куда конь с копытом, туда и рак с клешней!

Пронин думал, что Чоба как-нибудь отрежет Тарановского или огрызнётся, но в ответ на эти слова он не сказал ничего.

– А нельзя ли их всех попросить сюда? – спросил Пронин. – Поговорим вместе.

– Пожалуйста, – согласился Чоба. – Я и сам хотел...

Он вышел позвать товарищей.

– Видите, какое настроение? – сказал Тарановский. – С места не сдвинешь.

– А по-моему боевое настроение, – сказал Пронин. – Мне даже нравится.

– Вам всегда всё нравится, вы и выговором объявлять не любите, – недовольно сказал Тарановский. – А иной раз полезнее припугнуть!

– А что это за Раиса? – поинтересовался Иван Николаевич, не отвечая Тарановскому. – Парень как кумач покраснел.

– Старая любовь, к ней уже все привыкли, – объяснил Тарановский со снисходительным видом. – Подруга Чобы, Он с ней ещё с детских лет дружит. Когда у неё отца во время войны убили, а Чоба был ещё совсем крохотным мальцом, так он всё у матери хлеб воровал и Райке таскал, ведь у Райки совсем есть было нечего. Она за ним вот уже лет десять, как тень ходит, и Васька за родных сестер никогда так не заступает, как за Райку. Их ещё с детства порешили, и всем ясно, что они и на самом деле поженятся, нет силы, что может их разлучить.

– Вот это я понимаю, любовь! – сказал Иван Николаевич и даже не без некоторой восторженности, хотя эта самая восторженность не была свойственна его характеру, восторгаться Пронин и не умел, и не любил.

– Или привычка, – поправил его Тарановский.

– Привычка к прекрасному – поправил его в свою очередь Иван Николаевич. – По-моему – Ромео и Джульетта, – читал?

– Слышал и даже видел в кино, – сказал Тарановский.

– А почему не читал? – спросил Пронин.

– Некогда, – сказал Тарановский. – Вы же сами упрекнули меня, что я редко бываю в низовых организациях.

– А мне ты думаешь было некогда? – возразил Пронин. – тоже вечно торопился, однако же сумел прочесть.

– Нет, Иван Николаевич, мне, право, не до Шекспира, – упрямо возразил Тарановский. – Я за советской литературой и то плохо слежу, вот подожду, когда Твардовский напишет «Раису и Василия», тогда прочту.

– Напрасно, – сказал Пронин. – Нам своих родственников следует знать. Возможно, что и Чоба не читал Шекспира, но Ромео, по – моему, ему прямая родня...

Они так и не закончили диспут о Шекспире, – в класс вбежали Чоба и с ним целая компания, – вбежали и остановились.

Сбившейся смущенной кучкой стояли они перед Прониным.

– Ну, здравствуйте, – сказал Иван Николаевич и кивнул Чобе. – Знакомь, мы ещё незнакомы.

– Костя Кудреватов, Маруся Коваленко, – назвал Чоба своих товарищей. – Оба члены комсомольского комитета. А это – Терехин, Саша Пасько, Валя Гриценко. – Он перечислил всех, за исключением одной девушки, помедлил, но назвал и её. – А это – Раиса...

Иван Николаевич со всеми поздоровался за руку и на Раису, конечно, посмотрел внимательнее, чем на других.

На Джульетту она мало походила, уж очень она была проста, – черты её лица были грубоваты и кожа не отличалась большой нежностью, самая обычная крестьянская девушка, не похоже было даже, что она получила среднее образование, но Пронин – Пронин-то отлично знал, что наружность иногда обманчива бывает, жизнь научила его этому, – голубые и не такие уж выразительные глаза этой Раисы всё время обращались к Чобе, он притягивал её к себе как магнит, такая ласка и преданность светились в её глазах, что Пронин невольно позавидовал юноше, – за всю жизнь Пронину не пришлось ни встретить, ни испытать такой очевидной любви.

– Поговорим, товарищи? – сказал Пронин. – Присаживайтесь.

Все послушно и сразу сели за парты, один Тарановский помедлил, раздумывая, и тоже сел за парту, – Пронин же, естественно, сел за учительский столик, он на самом деле был для всех здесь учителем.

– У меня к вам разговор, – начал Пронин. – Но так как вы не дети и во многом разбираетесь не хуже меня, я бы хотел услышать сперва товарища Чобу, он меня уже упрекнул, что мы, коммунисты, требуем с вас, а сами вам не доверяем.

Все с любопытством посмотрели на Чобу.

– Давай, Вася, – пригласил его Пронин. – Режь нам правду в глаза.

– Не смейтесь, товарищ Пронин, – сконфузился Чоба, – в присутствии товарищей он был гораздо сдержаннее, чем наедине с Прониным. – Я лишь хотел сказать, что у нас почему-то так повелось, что мы друг к другу на свадьбы не ездим, а только на похороны...

– Чоба помянул о свадьбе и все кругом заулыбались, а сам он смутился и замолчал.

– Слушаем, слушаем, – подбодрил его Иван Николаевич. – Это справедливо, мы с Тарановским действительно пришли говорить с вами о похоронах.

– Нас все принимают за детей – обиженно сказал Чоба. – Картошка не выкопана, кукуруза не посажена – в школу, сорняки полоть – в школу, школьники всюду нужны и школьники приходят на помощь, но чтобы со школьниками поговорить по – человечески, с уважением, это никому в голову не приходит. Нас норовят вытащить на работу, даже не поговорив с нами. Придут, с директором или завучем потолкуют, получают от них согласие, а мы даже не знаем ничего. Утром приходим – у школы машины. Куда? Кукурузу ломать! Здорово живёшь, вот вам и география с историей! Я, по правде сказать, даже обиделся, когда вас с Тарановским увидел: ведь мы же серьёзнее, чем вы о нас думаете. Нам по семнадцать, по восемнадцать лет, некоторым даже девятнадцать, а ведь на третьем съезде комсомола государственные вопросы пятнадцатилетние ребята решали.

Чоба остановился передохнуть, оглянулся на товарищей, как бы ища у них поддержки, но Пронин заинтересованно его поторопил.

– Так, так, очень любопытно – сказал он. – Прошу тебя, говори.

– Я и говорю, – сказал Чоба. – Прийти к нам запросто, поговорить вообще о районе, на это времени нет, а ведь мы бы могли кое-что и подсказать, и показать, у нас и глаза позорче, и жить нам здесь дольше, чем старикам. От Тарановского я знаю, что от нас нужно. Ведь у вас над головой, товарищ Пронин, выговор висит. Думаете, мы не читаем газет? В постановлении крайисполкома ясно сказано: очистка полей от амброзии первоочередная задача, из-за

амброзии мы теряем чуть ли не треть урожая! А кто уничтожает сорняки? Растёт себе трава в канавах да палисадниках и выполоть её взрослые чуть ли не за баловство считают. А из канав и палисадников амброзия снова перекачывается на поля. Заколдованный круг, товарищ Пронин. Как будто баловство, а теряем тысячи центнеров хлеба. И, вот вы приходите к нам, но приходите, как к детям...

Это был столь же взволнованный, сколь и беспорядочный монолог.

Чоба открыл и закрыл парту и замолчал, – ещё не все понимали, к чему этот разговор.

– Ты слишком много на себя берёшь, товарищ Чоба, – заметил ему Тарановский. – Не всё зависит от нас, это общее дело, а если мы и помогаем колхозам, не надо так заноситься...

– Подожди, Тарановский, – сказал Иван Николаевич. – Чоба прав и не прав. Дело конечно не в выговорах, не так уж мы их боимся, дело серьезнее. Когда он говорит о пятнадцатилетних мальчиках двадцатых годов, то пусть имеет ввиду, что мальчики сами знали, что им делать, их понукать не приходилось, и партии даже приходилось сдерживать их, а иногда и поправлять, когда они зарывались. Тогда сложность обстановки в том и заключалась, что мальчикам сплошь да рядом приходилось идти против отцов. Но те времена прошли. Теперь отцы работают для вас и за вас, предоставляя вам возможность и учиться, и веселиться, и быть детьми – мы такой возможности не имели.

Иван Николаевич вдруг ехидно прищурился.

– Но вы уж слишком почувствовали себя иждивенцами. Сидите на всём готовом, а чуть понадобилась старшим от вас помощь, так вы задираете носы, точно речь идёт не о вашем будущем, а об одолжении со стороны каких – то заморских принцев...

Иван Николаевич строго посмотрел на своих собеседников.

– Хлеб кушать желаете? И, вероятно, не огорчаетесь, когда борщ варят вам со свининой? И на танцы желаете ходить в модельных туфлях? Так почему же я, секретарь райкома партии, должен идти уговаривать вас спасать урожай? Потому что я выговора испугался, как заявил мне об этом Чоба? Где же ваша сознательность? Чоба говорит, что борьбу с сорняками колхозники считают чуть ли не баловством. Правильно считают. По сравнению с тем, что достаётся на их долю, эта работа баловство, с нею могли бы оправиться школьники, если бы... если бы...

Иван Николаевич искал подходящего сравнения.

– Если бы вы думали об общем деле так, как думали о нём пятнадцатилетние мальчики двадцатых годов!

Он хотел перейти к деловому разговору об уничтожении амброзии, но ему помешала одна из девушек, почти девочка ещё, беленькая и светленькая и какая-то удивительно чистенькая, точно она только что вымылась в бане, светло-русые её волосы распушились над её головой, непослушные пряди выбились над розовыми ушами, кожа на её лице была тонка, как на поспевающем яблоке, карие глаза задорно блестели и только чёрные брови казались точно нарисованными на её нежном лице.

– Вы нас обижаете, – вежливо сказала она, не называя Пронина по имени, но решительно глядя ему прямо в глаза, – Мы немало сделали, половина станицы очищена от сорняков, вы только забываете, что всё-таки это не главное наше дело.

– А какое же дело у вас главное? – заинтересованно спросил Пронин.

– Главное, у нас экзамены, – сказала девушка. – Вы бы сами не похвалили ни нас, ни наших учителей, за плохие отметки. Мы сделали, сколько могли, а потом пришла пора...

Она рассуждала очень правильно, – о том, что к школьникам пришла пора экзаменов, Пронин совсем упустил из виду, и заявленье Тарановского о том, что комсомольцы в школе размагнитились, не имело под собой основания, конечно, им стало не до сорняков, когда подошли экзамены.

– Вас как зовут? – спросил Пронин девушку.

– Маруся, – сказала она.

– Маруся Коваленко – уточнил её сосед.
– Ну, и как, Маруся, прошли у вас экзамены? – спросил её Пронин.
– Да я бы сказала, что неплохо – ответила она. – В нашем классе все перешли в десятый.
– Да я не про всех, – сказал Пронин. – Я лично вами интересуюсь.
– Коваленко у нас отличница, – громко сказал Чоба. – И общественница, и третий год переходит из класса в класс с похвальными грамотами.

– Про экзамены я, извините, забыл, – признался Пронин. – И я согласен с Марусей Коваленко, хотя сорняки это тоже очень важное дело. Да и товарищ Тарановский меня смутил: пришёл и говорит, что это смерть Савельева вас так размагнитила.

– Ну и правильно, смерть Савельева нас, конечно, на работу не вдохновила, – сказал Чоба. – Все его жалели, но, конечно, по этой причине работу не бросили бы.

– У нашего райкома всегда так – поддержала его Коваленко. – Чуть мы от директивы отступили, чтобы ни случилось, всё будет тому причиной.

– Савельев, конечно, нам здорово помогал, но не в Савельеве дело, – сказал Чоба. – Маруся вам объяснила.

– Но теперь... – Пронин предупреждающе поднял указательный палец. – Теперь...

– А теперь каникулы, товарищ Пронин, – перебил его Чоба. – Это тоже надо учитывать. Пронин с подчёркнутой озадаченностью посмотрел на Чобу.

– Совсем вы меня обезоружили, – сказал он. – Значит, вы по домам, а сорняки по полям?

– Ничего такого это не значит, – сердито возразила Коваленко. – Каникулы каникулами, но мы ведь из станицы не разъезжаемся, конечно, комсомольская работа в школе замирает, но ведь это в нашей власти немножко себя...

Она не договорила, – за неё договорил Чоба.

– А, вот, мы вам покажем, товарищ Пронин, хуже мы комсомольцев двадцатых годов или нет. Маруся и Кудреватов перешли в десятый класс, им дорога честь школы, лично я, Рая, Пасько школу кончили, но я обещаю вам не покидать школу до осени. За всех не поручусь, но комсомольскую организацию распускать не будем. В повестке дня у нас поход против сорняков.

Чоба обвёл глазами своих товарищей.

– Как, товарищи, решим этот вопрос?

– И даже без голосования, – подтвердил Кудреватов.

– Ловлю вас на слове, – сказал Тарановский. – Не заставьте меня за вас краснеть.

– Но только у нас будет к вам просьба, – сказал Чоба, обращаясь к Пронину. – Без трактора нам не обойтись, если вы хотите, чтобы мы очистили станицу от сорняков. Поэтому надо позаботиться о том, чтобы в МТС выделили для нас трактор и нашёлся кто – либо из трактористов, который захотел бы заменить для нас Савельева.

– Разумно, – сразу согласился Пронин. – Голыми руками амброзию не взять. Сегодня же вечером съезжу в МТС, лично договорюсь с Дыховичным и найду вам тракториста...

Но Пронину так и не пришлось выполнить своё обещание.

Он и Тарановский провели в школе ещё с полчаса, они договорились, что ребята организуют бригаду и будут каждый день выходить на работу, пропалывая улицу за улицей, райком обеспечит их трактором, плугом и культиватором, и Пронин даже пообещал договориться с правлением Улыбинского колхоза об оплате этой работы, трудодни, конечно, начисляться не будут, но колхоз сделает что-либо полезное для школы, пополнит библиотеку или приобретёт спортивный инвентарь.

На том и разошлись, Пронин и комсомольцы из школы № 93 как будто были удовлетворены друг другом и даже Тарановский изволил перейти черту, отделявшую его от рядовых комсомольцев, и обещал почаще приходить в школу.

Иван Николаевич твёрдо рассчитывал выбраться вечером в МТС, но едва он вернулся в райком, как ему доложили, что из прокуратуры дважды уже звонили. Матвеев повсюду разыс-

кивал Пронина и просил, как только тот где-либо обнаружится, немедленно связать секретаря райкома с прокуратурой.

– Ну, что ж, соединяйте, – сказал Иван Николаевич. – Видно, стряслось что-нибудь.

Матвеев любил рисоваться своим равнодушием к трагедиям жизни, ему нравилось стоять как бы над всем, что попадало в орбиту его внимания, но на этот раз его обычная сдержанность изменила ему, в голосе его звучал мальчишеский фальцет и он торопился, не договаривая отдельные фразы.

– Иван Николаевич? Разрешите, я сейчас к вам? Дело оборачивается куда интереснее, чем мы предполагали. Тут уж не уголовщиной пахнет, а похлеще. Необходимо посоветоваться. То самое дело, о котором мы с вами не знали, что и думать.

Пронин догадался что речь идёт о смерти Савельева и что, по-видимому, появилось какое-то обстоятельство, которое проливает свет на тайну этой смерти, – по-видимому, это было такое обстоятельство, о котором следовало поставить в известность секретаря райкома партии, но и помимо этого возбудили в Пронине профессиональный интерес старого чекиста.

– Приходи, товарищ Матвеев, – сказал он. – Какие могут быть разговоры.

Он понимал, что разговор с Матвеевым может оказаться очень серьёзным, и не желал обмануть ребят в школе...

Эта вечная невозможность секретаря райкома сразу разорваться на несколько частей!

Прокуратура находилась неподалеку от райкома, Матвеев мог явиться с минуты на минуту, и Пронин велел сейчас же позвать к нему Тарановского.

– Двигай в МТС, – сказал, секретарь райкома партии секретарю райкома комсомола. – Кажется, я не смогу. Передай Дыховичному, что это моя личная просьба. И насчёт трактора, и насчет культиватора. И сам проследи, чтоб ребят мы не обманули. Понимаешь сам.

Он отпустил Тарановского с чувством лёгкой вины за то, что не может поехать в МТС, но Матвеев тут же отвлек его от излишних сожалений.

Прокурор стремительно вошёл в кабинет, старательно притворил за собой дверь, плотно сел на стул против Пронина и торжественно на него посмотрел.

– Как будто мы всё-таки узнали имя убийцы, – сказал Матвеев, интересуясь, как будет реагировать Пронин на его сообщение.

Но Пронин был старым и опытным следователем, он умел ничему не удивляться.

– Отлично – сказал он. – Если только это было убийство.

– Но ведь отравление налицо, – сказал Матвеев. – Судебно-медицинская экспертиза...

– Я очень уважаю судебно-медицинскую экспертизу мягко сказал Пронин. – Хотя в моей практике были случаи, когда ошибались самые опытные эксперты. В данном случае я не собираюсь спорить, отравление так отравление, но это ещё не значит, что имело место отравление с умыслом, отравление – да, но не убийство.

– А я говорю вам, что убийство! – запальчиво сказал Матвеев. – И при этом убийство по-ли-ти-чес-ко-е!

Он собирался ошарашить Пронина, но ведь это же был Пронин...

– Товарищ Матвеев, – наставительно сказал ему Иван Николаевич, – Умный следователь тысячу раз переберёт все факты, прежде чем составит формулу обвинения. Судебный работник не имеет права торопиться...

– А я вам говорю, что убийство! – воскликнул Матвеев. – Это всё теория...

– Ну хорошо, – сказал Пронин, – он видел, что Матвеев ждёт не дожётся когда Пронин задаст ему только один – единственный вопрос, и Пронин не желая дольше играть на нервах Матвеева, задал этот вопрос, – с участливым вниманием он посмотрел на Матвеева и спросил: – Хорошо, так кто же убийца?

И Матвеев, желая удивить Пронина как можно сильнее, назвал фамилию, которая должна была удивить и даже привести секретаря райкома партии в состоянии некоторой растерянности.

– Прибытков! – сказал Матвеев и замолчал, ожидая, как будет реагировать на такое сообщение Пронин.

И Пронин, действительно, удивился и не поверил Матвееву.

– Ну и ну! – сказал он. – С чего это ты взял?

Тогда Матвеев последовательно и убедительно изложил мотивы и нарисовал картину преступления.

Прибытков...

В районе многие знали, что представляет собою Прибытков. Ещё в 1938 году он был арестован и осуждён за контрреволюционную деятельность. Пронин был очень хорошо осведомлён об этом Прибыткове и проявлял в отношении к нему, по мнению Матвеева, излишнюю снисходительность. Враг всегда остаётся врагом, каким бы лояльным он ни старался казаться...

Евгений Савич Прибытков появился в Улыбинском районе четыре года назад. Правда, он не скрывал своего прошлого, но если бы и пытался скрыть, это бы ему не помогло. Не только не помогло бы, но попытайся он скрыть своё прошлое, это обстоятельство могло бы только помешать ему в его жизни. Информационная служба в Советском Союзе поставлена очень хорошо, и не скажи ничего о себе Прибытков, рано или поздно в район всё равно пришло бы сообщение, кто он такой. Поэтому откровенность у нас часто есть только предусмотрительная перестраховка.

Евгений Савич Прибытков появился в районе и поступил в Улыбинскую МТС на должность инженера. Он сразу сказал о себе, что был в 1938 году арестован, отсидел десять лет в лагере, освобождён по отбытии срока, три года проработал на Урале в леспромхозе в качестве механика, с кем-то там не поладил и решил перебраться на юг, тем более, у него имелось двое детей. Человек с такой биографией симпатий к себе, конечно, не возбуждал, но он был настоящий инженер, диплом у него был в полном порядке, имел немалый стаж практической работы. Специалистов после войны не хватало, и Прибыткова порешили взять, взять и не спускать с него глаз, – чуть что и его нетрудно было отправить туда, откуда он появился.

Работал Прибытков неплохо, можно даже сказать, хорошо, Улыбинская МТС славилась высоким качеством содержания и ремонта своих машин, но Прибыткову всё равно не доверяли, привыкли к нему, но не доверяли. И Прибытков, конечно, это не только чувствовал, но и знал, он был умным человеком, это было всем очевидно. Он был замкнут, мало выступал, потому что, когда в своих речах оценивал что-либо положительно, говорили, что он хочет быть непогрешимее самого папы, а когда что-либо критиковал, его обвиняли в злопыхательстве. Во время выборов в Верховный Совет при подсчёте голосов среди тысячи бюллетеней попался один, на котором была зачеркнута фамилия кандидата в депутаты, все сразу решили, что фамилия эта была зачеркнута именно Прибытковым, хотя он опустил бюллетень в урну, не заходя даже в кабинку для голосования. По общему мнению, кто же, как не он мог выступить против кандидата блока коммунистов и беспартийных. Лишь спустя несколько дней какая-то старуха рассказала в лавке о том, как она исчеркала свой бюллетень, потому что ей толком не разъяснили, что надо делать с карандашом, оказавшимся у неё под рукой в кабинке. Было очевидно, что Прибытков бюллетень не зачёркивал, однако, даже в этом случае нашлись товарищи, которые не хотели отказаться от своих подозрений.

Словом, жить Прибыткову было нелегко, хотя понимали это немногие, к числу этих немногих относился и Пронин, – бывая в МТС, он всегда останавливался поговорить с Прибытковым, не один раз на различных собраниях ставил Прибыткова всем в пример, даже как-то посоветовал Прибыткову хлопотать о снятии судимости, на что тот только иронически пожал плечами, – точно эта формальность могла освободить его от вечных подозрений, – снисходи-

тельность Пронина к Прибыткову вызывала лишь снисходительное отношение к самому Пронину, Пронин мог позволить себе держаться по – приятельски с человеком, осуждённым в своё время за антисоветское преступление, – жена Цезаря была выше подозрений и секретарь райкома тоже был выше подозрений, Пронина не могли заподозрить в антисоветчине.

Контрреволюционное прошлое Прибыткова позволяло ждать от него контрреволюционных действий и в настоящем.

Матвеев внимательно проверил, какие взаимоотношения были у Прибыткова с Савельевым. По всем данным между ними были отличные взаимоотношения.

Савельев был примерным трактористом и со стороны инженера МТС к нему не могло быть никаких претензий. Савельев умело обращался с доверенной ему машиной; со стороны Савельева тоже не могло быть претензий к Прибыткову, его трактор вовремя и хорошо ремонтировался, короче говоря, по части производственных отношений всё у них было в порядке.

Каких-либо личных отношений между Прибытковым и Савельевым не было, но в последнее время Савельев что-то зачастил ходить к Прибыткову на квартиру, в последнее время Савельев сплошь да рядом проводил у Прибыткова на квартире целые вечера, говорили, что Савельев придумал какое-то усовершенствование для культиватора и Прибытков помогал ему оформить изобретение, сам Савельев не только не мог сделать, он не мог даже толково изложить в письменном виде свои мысли.

Был Савельев у Прибыткова и за день до своей смерти.

– Но для чего, для чего Прибыткову потребовалось уничтожить Савельева? – спросил Пронин прокурора. – Я не вижу целеустремлённости.

– Не мне разъяснять вам природу классовой борьбы, Иван Николаевич, – снисходительно сказал Матвеев. – Классовая ненависть! Классовая ненависть была той скрытой пружиной, которая двигала поступками Прибыткова. Чем явственнее становятся победы социализма, тем ожесточеннее становится сопротивление умирающих классов. Прибытков действовал, как вражеский снайпер. Савельев был лучшим трактористом МТС, и он подстрелил его, подстрелил из-за угла...

– Это довольно-таки порочная теория – возразил Пронин. – Я думаю, что преступник всегда хочет извлечь из своего преступления какую-то непосредственную пользу. Убивая Савельева, Прибытков скорее мог потерять, чем приобрести.

– Неужели надо сослаться на Ленина? – возразил в свою очередь Матвеев. – Буржуазия, ослеплённая классовой ненавистью, очень часто теряет там, где рассчитывает приобрести.

– Ладно, оставим теоретические споры, – примирительно произнёс Пронин. – Ты мне лучше скажи, как ты нашёл след, приведший тебя к Прибыткову.

– А очень просто – сказал Матвеев. – В данном случае не могу не похвалиться своей проницательностью.

Он достал из кармана конверт, извлёк из него какое-то письмо и торжественно положил его перед Прониным.

– Вот – сказал он, – документ, приведший меня к Прибыткову.

Да, перед Прониным лежало письмо:

«Гражданин прокурор! Заинтересуйтесь гражданином Прибытковым. Он есть виновник смерти П. Н. Савельева. Контрреволюция не успокаивается истреблять наших людей и тех, кто стоит у неё на дороге. Я бы написал больше, но и сам опасаясь за свою жизнь. Не мне вас учить, вы и сами во всём разберётесь».

Подписи под письмом не было.

– Да... – задумчиво сказал Пронин. – Анонимка...

– Да, анонимка, – сказал Матвеев. – Но что из того? Разве анонимки не содержат иногда правды?

– Нет, я не к тому – сказал Пронин. – Я просто думаю...

Он принялся рассматривать письмо. Лист обыкновенной почтовой бумаги. Дешёвая линованная почтовая бумага, какая продаётся во всех газетных киосках, в почтовых отделениях, в писчебумажных магазинах. Написано письмо обычными фиолетовыми чернилами, какие продаются тоже решительно везде и какими пишут обычно все школьники, обычный старательный ученический почерк с обычным наклоном вправо, хотя некоторые линии выведены как бы дрожащей рукой, может быть дрожащей далее нарочно. Судя по оборотам речи, письмо написано взрослым человеком, а не подростком и не продиктовано подростку, в таких делах избегают лишних свидетелей. Написано письмо очень осторожно, никаких фактов, никаких доказательств, на Прибыткова только брошена тень, честь собрать доказательства и обосновать обвинение автор письма уступил своему адресату, что тот и выполнил. Очень обычное письмо.

Сколько анонимок перевидал Иван Николаевич за свою жизнь!

Автора такого письма установить невозможно.

– Конверт? – спросил Пронин.

Матвеев положил перед Прониным конверт.

Конверт тоже ничего не давал для поисков отправителя. Обычный конверт, какой можно приобрести в любом почтовом отделении. Тот же почерк. «Станица Улыбинская. районному прокурору. Лично и секретно». И – всё. Судя по штемпелю, отправлено два дня назад, опущено в почтовый ящик здесь же в станице Улыбинской. Установить отправителя, конечно, невозможно.

– Д-да, – задумчиво повторил Иван Николаевич. – Я бы предпочёл иметь более весомого свидетеля.

– Значит, вы считаете, что анонимкам верить нельзя? – обидчиво спросил Матвеев.

– Нет, почему же, – неопределённо отозвался Иван Николаевич. – Им нельзя придавать большого значения, но и нельзя ими пренебрегать. Кто знает, почему человек скрывает своё имя, может быть это клеветник, а может быть он и в самом деле боится за свою жизнь...

Пронин хотел представить себе, как построил Матвеев своё умозаключение.

– Ну, а как всё-таки Прибытков отравил Савельева?

– Здесь может быть несколько вариантов, – многозначительно ответил Матвеев. – Савельев мог зайти к Прибыткову по дороге домой, мог зайти к Прибыткову в кабинет перед уходом с работы, выпил у него в кабинете стакан воды, а тот и подсыпал яд, да мало ли ещё как, до этого нам ещё предстоит докопаться...

Пронин опять принялся рассматривать письмо.

– Во всяком случае, – посоветовал он Матвееву, – я бы пошёл не по линии изобличения Прибыткова, а по линии поисков автора этого письма. Если только это не фантазёр, делающий безответственные умозаключения на основании слухов о прошлом Прибыткова, этот человек, осведомлённый о преступлении, следовательно или сообщник, или свидетель, очень близко стоящий к преступнику.

– И тем временем, пока я буду искать автора письма, позволить Прибыткову замести все следы? – раздражённо отозвался Матвеев. – Нет, Иван Николаевич, не такого совета ждал я от вас!

Пронин видел Матвеева насквозь.

– Ты, конечно, хочешь, чтобы я посоветовал тебе арестовать Прибыткова?

– Да. И потом уже собирать доказательства. Только так!

– Нет, нет, я категорически против – сказал Пронин. – Оставь Прибыткова в покое, его нельзя ещё трогать, анонимка – не доказательство.

– Конечно, дело не в анонимке, – сказал Матвеев. – Но я уже установил подозрительную близость Прибыткова с Савельевым предшествовавшую смерти Савельева. И принимая во внимание прошлое Прибыткова...

– Которое, кстати, никак не подтверждается его деятельностью в МТС, – сказал Пронин. – Мы слишком часто устремляемся в прошлое, пренебрегая настоящим.

– Вы что же, ставите под сомнение всю прошлую работу наших карательных органов? – спросил Матвеев.

– Нет, не всю, но многое ставлю под сомнение, – сказал Пронин. – Вспомни решения двадцатого съезда, постановление ЦК о культе личности...

– Если бы Прибытков был неправильно осуждён, – возразил Матвеев, – он давно добился бы реабилитации!

– У всякого свой характер, – возразил в свою очередь Пронин. – Человек – сложное существо и не всегда легко его понять.

– Нет, я не понимаю, почему это вы берёте Прибыткова под защиту, – перебил Матвеев Пронина. – Правильно говорили в крайкоме, что вы постарели, вы утрачиваете ощущение борьбы...

– Что ж, выступи с этим на районной конференции – насмешливо сказал Пронин. – Но Прибыткова я прошу всё-таки не трогать.

– Это что же – директива? – вызывающе спросил Матвеев.

– Да, если хочешь – директива, – твёрдо сказал Пронин. – Я не позволю у себя в районе создавать искусственные политические процессы, слишком уж много потерь понесла от них наша страна.

– Но прокурор не зависит ни от кого и руководствуется только законом, – сказал Матвеев, отворачиваясь от Пронина.

– Совершенно верно, я тоже знаю Конституцию, – сказал Пронин. – Но коммунист Матвеев прежде всего обязан подчиняться райкому партии.

– В таком случае, я обращусь в край, – сказал Матвеев.

– Это твоё право, – сухо вато сказал Пронин. – Но помни: поспешность хороша только при ловле блох.

Враг народа

Сколько разных людей проходит перед глазами секретаря райкома! Разных людей, разных характеров, разных профессий... Во всех надо взглядеться, во всех разобраться, всех понять. А время бежит, тысячи дел позади, тысячи дел впереди, ни с кем нельзя задержаться, иначе сразу образуется толчея, всех надо пропустить через себя и двигаться самому, всё время двигаться.

Как много общего, думал я, глядя на Пронина и невольно оглядываясь на самого себя, между политическим деятелем и писателем. Создавать какие-то ценности можно только в непрерывном общении с людьми, в каждом нужно почерпнуть что-то и каждому нужно что-то дать для него самого – непрерывно брать и непрерывно отдавать, вечный процесс жизни. Много общего и много разницы. Художник, который влияет на жизнь через искусство, действует на людей исподволь, он тоже пропускает людей через себя, но берёт из них и от них точно то, что нужно ему самому, что нужно ему для личного творчества, множество людей художник соединяет в одно, он типизирует людей и показывая и повествуя свои обобщения, или принижает, или возвышает поглощённую им массу людей.

Иное дело политик. Его задача – побудить к творчеству самих людей. Политик же вбирает в себя людей полностью, такими, какие они есть, со всеми плохими и хорошими их качествами, чтобы сплавлять их в некий конгломерат, создавать такие общественные формации, где для каждого найдётся какое-то место, причём политик, организатор этой формации, должен стремиться к тому, чтобы для каждого нашлось наилучшее место...

Занятый повседневными делами, разговаривая с посетителями, принимая решения и отдавая распоряжения, Пронин то и дело возвращался в своих мыслях к Прибыткову, мысль о Прибыткове тревожила Пронина всё сильнее и сильнее, он с досадой думал о том, что Прибытков прошёл через него как-то слишком скоро, Пронину следовало бы в своё время задержаться на этом человеке, поглубже вникнуть в его сущность, понять, что же это за человек, и найти ему какое-то определённое место в той общественной формации, которую он, Пронин, возглавлял то ли в силу своей целеустремлённости, то ли в силу своего опыта, то ли в силу доверия оказанного ему партией, в которой он состоял и которой верно служил без малого сорок лет.

Что тревожило Пронина при мысли о Прибыткове? Он заступился за него перед Матвеевым, но у него не было твёрдой уверенности в том, что он сам прав.

В том, что Прибытков работал в МТС хорошо, в этом Пронин не сомневался. Но почему он работал хорошо? Это был сложный вопрос. Потому ли, что просто любил свою работу, делал дело ради дела, или потому, что любил свою Родину, делал дело ради людей, ради своего народа? В этом заключалась существенная разница, в этом и заключалась разница между беспартийным и партийным отношением к делу. Если Прибытков в глубине души глубоко беспартиен, возможно, Матвеев прав и Пронину не след за него заступаться. Но если Прибытков относится к делу так, как относился к нему Савельев, как относится Пронин, как должен относиться, чёрт побери, наконец, тот же Матвеев, надо сделать всё, чтобы развеять тучи, сгустившиеся над его головой.

Пронин принимал посетителей, звонил по телефону, подписывал бумаги, но Прибытков не выходил у него из головы. Такое состояние нуждалось в какой-то разрядке. Проще всего было встретиться с Прибытковым, предлог для такой встречи найти было нетрудно, – всмотреться в него, углубиться со всей проницательностью и решить, решить для самого себя – что это за человек.

Предлог?

Да вот хотя бы проверить – выделили в помощь комсомольцам из школы № 3 тракториста или нет...

– Узнайте, где находится Дыховичный, узнайте, но не соединяйте меня с ним, – оказал Пронин одному из инструкторов райкома, зашедшему к нему по какому-то делу.

– Дыховичный уехал в какой-то колхоз, – через несколько минут сообщил инструктор.

Пронин облегчённо вздохнул, теперь он мог вызвать инженера Прибыткова, не опасаясь налететь на директора МТС. Пронин сам позвонил в МТС.

– Позовите-ка товарища Прибыткова, – попросил он.

Тот, кто подошёл в МТС к телефону, смущенно крякнул и ничего не сказал.

– Я говорю, позовите товарища Прибыткова, – повторил Пронин. – Это говорят из райкома партии.

– Это говорит диспетчер Иванихин, – ответил неуверенный голос. – Товарища Прибыткова нет.

– А где он? – нетерпеливо спросил Пронин.

– А это кто? – ответил вопросом на вопрос тот же голос.

– Пронин, секретарь райкома, – сказал Пронин, начиная уже раздражаться. – Вы что, мух, что ли, у себя ловите, товарищ Иванихин?

– Дело в том, товарищ Пронин, – сказал, запинаясь, Иванихин, – что Прибыткова у нас нет, он арестован.

– Как арестован? – переспросил Пронин. – Когда?

– Три дня назад, – сказал Иванихин.

Чувствовалось, что ему очень хочется прекратить этот разговор.

– За что? – спросил Пронин уже спокойнее, – ему хотелось знать, что известно людям об аресте Прибыткова.

– А это нам неизвестно, – с готовностью отозвался Иванихин. – Говорят, это связано с его прошлой деятельностью...

– Ну, хорошо, товарищ Иванихин, спасибо за информацию, – сказал Пронин. – До свиданья.

Он положил трубку таким резким рывком, точно хотел ударить ею Матвеева.

Тут же Пронин позвонил в прокуратуру.

– Что же это такое, товарищ Матвеев? – спросил он. – Ты всё-таки арестовал Прибыткова?

Пронин мысленно представил себе бледное злое лицо Матвеева и ему захотелось сказать этому молодому прокурору что-нибудь очень-очень неприятное, но он ждал, что скажет тот в своё оправдание, однако Матвеев и не думал оправдываться.

– Прокурор независим, – сказал он. – У меня было достаточно оснований...

– Ты мне Ваньку не валяй, – оборвал его Пронин. – Ты что ж, думаешь, у тебя достаточно фактов, чтобы засудить Прибыткова?

– Я думаю, что достаточно, – спокойно ответил Матвеев, пропуская «Ваньку» мимо ушей.

– Ну, ладно, дело твоё, – сказал Пронин. – Но я хочу с ним видеться.

– Он же подследственный, – возразил Матвеев. – Он находится в КПЗ и я лишён возможности...

– Я ещё раз повторяю, ты мне Ваньку не валяй, – зло сказал Пронин. – Раз он арестован, я сам понимаю, что он находится в КПЗ, а не в доме отдыха. Но я хочу его видеть и, надеюсь, ты поймёшь это как должно.

– Удобно ли это? – спросил Матвеев менее уверенным тоном. – Я ещё сам его не допрашивал.

– Тем лучше, – сказал Пронин. – Значит, вы не успели его обозлить.

– И, потом, как его привести? – недовольно спросил Матвеев. – Всё это очень сложно.

– А приводить не надо, – сказал Пронин. – Я сам приду в КПЗ.

– Я хотел бы присутствовать при свидании, – сказал Матвеев. – Я думаю, так будет лучше.

– Нет, не лучше, – резко сказал Пронин и вдруг рассердился. – Да ты что, не доверяешь мне что ли?

– Ну, что вы, Иван Николаевич, – примирительно отозвался Матвеев. – Если я вам не нужен...

– Не нужен, – лаконично отрезал Пронин. – Больше мне вообще от тебя ничего не нужно.

Его раздражение прорвалось помимо его воли, и Пронин был недоволен, что не смог сдержать себя в разговоре с Матвеевым.

– Всё-таки ты поторопился, – сказал он, стараясь говорить помягче. – Сколько непоправимых ошибок было совершено из-за торопливости следственных властей.

Матвеев вежливо усмехнулся, и этот вежливый смешок опять рассердил Пронина и он, недосказав своей мысли, быстро попрощался и положил трубку на рычаг.

В обеденный перерыв Пронин не пошёл обедать, а пошёл в районное отделение милиции, где помещалась камера предварительного заключения, и где теперь находился Прибытков. Пронину очень хотелось увидеть этого человека, подойти к нему с самой строгой меркой, проявить по отношению к нему всю ту предубежденность, какую проявил в этом деле Матвеев. Дежурный по отделению встал, приветствуя Пронина. Иван Николаевич кивнул ему и прошёл в кабинет начальника отделения.

Начальником милиции в Улыбинском районе был капитан Корабельников, по мнению Пронина, очень хороший офицер, человек с боевыми заслугами и добрым сердцем, сочетание, которое Пронин очень ценил в людях.

Корабельников тоже встал, увидев секретаря райкома.

Они поздоровались, сели.

– Хочу повидать Прибыткова, – сразу сказал Пронин. – Я согласовал этот вопрос с Матвеевым.

– Да, я уже знаю, Матвеев прислал разрешение, – сказал Корабельников. – Сейчас отдам команду.

– Он у тебя где – в КПЗ? – спросил Пронин.

– Разумеется, – сказал Корабельников.

– А что она у тебя представляет? – спросил Пронин и усмехнулся. – Живу-живу в районе, а в КПЗ у тебя до сих пор побывать не удосужился.

– Мало пьёте, Иван Николаевич, – пошутил Корабельников. – Дёрните как следует, побейте окна или физиономию кому-нибудь, сразу познакомитесь с нашей КПЗ.

– Он у тебя что – в общей камере? – спросил Пронин.

– Нет, что вы, при таком обвинении, – сказал Корабельников. – У нас одна общая камера и две одиночки, Прибытков в одной из них.

– Так лучше я пройду к нему, – сказал Пронин. – Пожалуй, так будет лучше.

– Как угодно, – оказал Корабельников. – Вас сейчас проводят.

Он позвал дежурного.

– Товарищ Молодкин! – отдал он команду. – Проводите товарища Пронина в камеру к Прибыткову. Свидание разрешено прокурором.

В особняке, где находилось районное отделение милиции, когда-то жил богатый улыбинский прасол, в полуподвальном помещении особняка у него находилась кухня. Там жила прислуга, а теперь в этом помещении была устроена тюрьма.

Пронин с любопытством спустился в эту тюрьму, единственную тюрьму во всем районе.

Да, она сильно отличалась от цивилизованных тюрем, какие Пронину приходилось по службе видеть в больших городах.

Дежурный отодвинул деревянный засов, который не был даже закрыт на замок, и они вошли в большую комнату с нарами вдоль стен и тусклыми ничем не защищёнными окнами под потолком. В камере находился всего один человек. Под одним из окон на скамейке сидел парень с одутловатым лицом и, громко чавкая, с аппетитом ел сало, нарезанное мелкими кусочками.

Он не обратил на вошедших внимания.

– Проспался? – спросил его Молодкин и укоризненно сказал: – Хотел бы я, чтобы ты сам видел, какой свиньей ты вчера выглядел.

Пронин вопросительно взглянул на Молодкина.

– Нализался вчера хуже свиньи, – объяснил Молодкин. – Начал приставать в парке к девочкам, разбил у одной велосипед...

Он опять повернулся к парню.

– Мы теперь тебя заставим мотоцикл ей купить, – угрожающе сказал он. – Отучим пить водку...

Они подошли к другой двери, та была уже на замке, Молодкин отпер её и они очутились в узеньком коридорчике, в него выходили ещё две двери, Пронин понял, что это и есть одиночки.

Молодкин отпер одну из этих дверей и распахнул её перед Прониным.

– Заходите.

Это была крохотная комнатёнка, в ней находились железная койка, стол, табуретка и ведро для известных надобностей. На койке сидел Прибытков.

– Вы можете идти, – сказал Пронин Молодкину. – Если понадобится, я позову вас.

Молодкин тотчас вышел, аккуратно прикрыв дверь камеры.

Пронин сел на табуретку.

– Здравствуйте, товарищ Прибытков, – сказал он.

– Здравствуйте, – ответил ему Прибытков...

Вот именно сейчас Пронину предстояло решить, как ему самому вести себя в дальнейшем: стоит этот человек того, чтобы вступить за него в борьбу, или же разумнее отмахнуться от него и предоставить собственной участи.

Прибытков сидел перед Прониным.

Он всегда казался Пронину здоровым человеком, – круглолицый, коротко остриженный, с пытливым взглядом серых глаз, он умел иногда даже пошутить, – сейчас его лицо приобрело какой-то землистый оттенок, недорогой серый костюм, – и пиджак, и брюки, – был измят, должно быть он спал здесь не раздеваясь, к волосам его пристал какой-то пух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.